

II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 396–419. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419.

Golubtsov V. G. *Reforma obyazatel'stvennogo prava: teoreticheskiy i prakticheskiy effekt sostoyavshikhsya izmeneniy* [Reform of the Law of Obligations: Theoretical and Practical Effect of the Changes Introduced]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 396–419. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419.

УДК 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

**РЕФОРМА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ
СОСТОЯВШИХСЯ ИЗМЕНЕНИЙ**

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 09.03.2018

Введение: проблема актуализации научных знаний об обязательствах сопряжена со сложной и весьма кропотливой работой по постижению сути законодательных изменений с целью оценки удовлетворительности состоявшихся законодательных решений. Предметом авторского внимания стали вопросы о соотношении общих и специальных норм в подотрасли обязательственного права, о таком специфическом способе исполнения обязательств, как принятие долга. Автор обращается также к терминологическим проблемам подотрасли, исследуя законодательное оформление таких нормативных конструкций, как проценты по денежному обязательству и о праве кредитора потребовать по суду исполнения обязательств в натуре (астреинт). Анализируя изменения и дополнения в системе обязательств, автор затрагивает проблему субсидиарных обязательств регулятивного свойства и вопросы исполнения обязательства третьим лицом. Задачей предпринятого исследования является привлечение внимания цивилистики к неисследованным, малоисследованным или просто пока еще не замеченным доктриной проблемам теории обязательственного права. **Цель:** на основе базовых постулатов об обязательствах точно обратиться к отдельным проблемам обязательственного права в его пореформенный период. По мнению автора, детальный анализ отдельных новелл и

© Голубцов В. Г., 2018

II. CIVIL LAW

Information for citation:

Golubtsov V. G. *Reforma obyazatel'stvennogo prava: teoreticheskiy i prakticheskiy effekt sostoyavshikhsya izmeneniy* [Reform of the Law of Obligations: Theoretical and Practical Effect of The Changes Introduced]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 396–419. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419.

UDC 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

**REFORM OF THE LAW OF OBLIGATIONS:
THEORETICAL AND PRACTICAL EFFECT OF THE CHANGES INTRODUCED**

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in DB “Scopus” / “Web of Science”:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 09.03.2018

Introduction: dealing with scientific knowledge about obligations involves complicated and diligent work on comprehending the essence of the legislative changes, which is necessary to evaluate the sufficiency of the legislative decisions. The subject of the author's attention are the relation between the general and special norms of the law of obligations and such a specific method of obligation fulfilment as taking over the debt. The author also addresses terminological issues of the branch of law in question by researching the legislative enshrinement of such normative constructions as the interest on the financial obligation and the right of the creditor to claim in court for the in-kind fulfilment of the obligation (astreinte). Analyzing changes and amendments in the system of obligations, the author touches upon the problems of fulfilling subsidiary obligations of regulatory nature and fulfilment of obligations by a third party. The task of the present research is to focus the attention of civil law scholars on the problems of the obligation law theory that are unresearched, little-researched or simply have not yet been noticed by the doctrine. **Purpose:** based on the backbone postulates on obligations, to targetedly address the certain issues of the law of obligations in its post-reform period. In the author's opinion, a detailed analysis of specific innovations and reformed institutions can help to clarify the intentions of the legislator and the results of the introduced reform of the law of obligations. **Methods:** the methodological basis of the research is the general scientific (dialectical) method of cognition of the obligation law and its norms. Specific scientific methods (formal-juridical, logical, systematic approaches) were also used.

© Golubtsov V. G., 2018

реформированных институтов поможет внести ясность в замыслы законодателя и итоги проведенной реформы обязательственного права. **Методы:** методологическую основу статьи составил общенаучный (диалектический) метод познания обязательственного права и его норм. Использовались также частнонаучные методы познания: формально-юридический, логический, системный подходы. **Результаты:** относительные правоотношения неоднородны и имеют собственную, пока не изученную современной цивилистикой систему. Обязательства – часть этой системы. Иными ее частями являются корпоративные, реституционные, секундарные отношения. Учет этого подразделения выступает методологическим ориентиром для научных суждений, относящихся к соответствующим фрагментам общей тематики обязательств. Правильное позиционирование обязательств в системе всех относительных отношений является одной из необходимых посылок для суждений о соотношении общих и специальных норм в обязательственном праве. Автор квалифицирует его как замещающее с приоритетом специальных норм, чей ресурс является первичным. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ. Обращаясь к проблеме использования термина «обязательство» в финансово-правовой науке и бюджетном законодательстве, автор привлекает аргументы представителей терминологической науки (терминоведения), делая вывод о том, что нет оснований рассуждать о межотраслевой миграции, заимствовании и ретерминологизации. «Обязательство» – это общеупотребительный термин. Для гражданского права собственно значимым является термин «гражданско-правовое обязательство», за которым стоит соответствующее правовое явление и отраслевое понятие. Для финансово-правовой науки таковым является финансовое (налоговое, бюджетное) обязательство. Автором также сформулировано предложение о возможности и допустимости использования в гражданском праве такого научного понятия, как «регулятивное субсидиарное обязательство». Исследуя проблему исполнения обязательства не лично должником, а третьим лицом, автор утверждает, что вопрос о возложении исполнения обязательства на третье лицо относится к сфере взаимоотношений между третьим лицом и должником и не затрагивает интереса кредитора. А потому положения о возложении должником исполнения обязательства на третье лицо следуют исключить из пункта 1 статьи 31 ГК РФ.

Ключевые слова: общие нормы и нормы специальные, заимствование и ретерминологизация; исполнение обязательства внесением долга в депозит; оборот исполнения; регулятивное субсидиарное обязательство; возложение

REFORM OF THE LAW OF OBLIGATIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL EFFECT OF THE CHANGES INTRODUCED

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015
Articles in DB “Scopus” / “Web of Science”:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 09.03.2018

Results: relative legal relations are heterogeneous and have their own system, which has not yet been studied by modern civil law science. Obligations are a part of this system. Its other parts are the corporate, restitutionary and secundarious relations. This classification is a methodological reference point for scientific judgements concerning the corresponding fragments of the general subject matter of obligations. The correct positioning of obligations in the system of all the relative relations is one of the necessary fundamentals for judgements about the correlation between general and special norms in the law of obligations. The author qualifies it as the substitutional one with the priority of special norms, which are a primary resource. And only after this resource is exhausted and after the lack of special norms is discovered, general norms on obligations are applied, those included into Chapters 21–26 of the Civil Code of the Russian Federation. As for the problem of using the term “obligation” in the financial law science and budget legislation, the author invokes the arguments of the representatives of terminological science (terminology studies) and comes to a conclusion that there are no grounds to speak about the inter-branch migration, borrowing and re-terminologization. “Obligation” is a universally used term. For civil law, the relevant term is “civil law obligation”, which implies the corresponding legal phenomenon and branch-specific notion. For finance law, it is “financial (tax, budget) obligation”. The author has also formulated a proposal to possibly use such a scientific notion as “regulatory subsidiary obligation”. Having researched the problem of the fulfilment of the obligation not personally by the debtor but by a third party, the author claims that the problem of entrusting a third party with a duty to perform the obligation falls within the sphere of relations between the third party and the debtor and does not affect the interests of the creditor. Thus, the provisions on imposing the fulfilment of the obligation on the third party by a debtor should be excluded from Item 1 of Article 31 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: general and special norms; borrowing and re-terminologization; fulfilment of the obligation by depositing the debt; fulfilment turnover; regulative subsidiary obligation; imposition

Information in Russian

РЕФОРМА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СОСТОЯВШИХСЯ ИЗМЕНЕНИЙ

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-3505-2348
ResearcherID: H-4690-2015
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 09.03.2018

Introduction: dealing with scientific knowledge about obligations involves complicated and diligent work on comprehending the essence of the legislative changes, which is necessary to evaluate the sufficiency of the legislative decisions. The subject of the author's attention are the relation between the general and special norms of the law of obligations and such a specific method of obligation fulfilment as taking over the debt. The author also addresses terminological issues of the branch of law in question by researching the legislative enshrinement of such normative constructions as the interest on the financial obligation and the right of the creditor to claim in court for the in-kind fulfilment of the obligation (astreinte). Analyzing changes and amendments in the system of obligations, the author touches upon the problems of fulfilling subsidiary obligations of regulatory nature and fulfilment of obligations by a third party. The task of the present research is to focus the attention of civil law scholars on the problems of the obligation law theory that are unresearched, little-researched or simply have not yet been noticed by the doctrine. **Purpose:** based on the backbone postulates on obligations, to targetedly address the certain issues of the law of obligations in its post-reform period. In the author's opinion, a detailed analysis of specific innovations and reformed institutions can help to clarify the intentions of the legislator and the results of the introduced reform of the law of obligations. **Methods:** the methodological basis of the research is the general scientific (dialectical) method of cognition of the obligation law and its norms. Specific scientific methods (formal-juridical, logical, systematic approaches) were also used. **Results:** relative legal relations are heterogeneous and have their own system, which has not yet been studied by modern civil law science. Obligations are a part of this system. Its other parts are the corporate, restitutionary and secundarious relations. This classification is a methodological reference point for scientific judgements concerning the corresponding fragments of the general subject matter of obligations. The correct positioning of obligations in the system of all the relative relations is one of the necessary fundamentals for judgements about the correlation between general and special norms in the law of obligations. The author qualifies it as the substitutional one with the priority of special norms, which are a primary resource. And only after this resource is exhausted and after the lack of special norms is discovered, general norms on obligations are applied, those included into Chapters 21–26 of the Civil Code of the Russian Federation. As for the problem of using the term "obligation" in the financial law science and budget legislation, the author invokes the arguments of the representatives of terminological science (terminology studies) and comes to a conclusion that there are no grounds to speak about the inter-branch migration, borrowing and re-terminologization. "Obligation" is a universally used term. For civil law, the relevant term is "civil law obligation", which implies the corresponding legal phenomenon and branch-specific notion. For finance law, it is "financial (tax, budget) obligation". The author has also formulated a proposal to possibly use such a scientific notion as "regulatory subsidiary obligation". Having researched the problem of the fulfilment of the obligation not personally by the debtor but by a third party, the author claims that the problem of entrusting a third party with a duty to perform the obligation falls within the sphere of relations between the third party and the debtor and does not affect the interests of the creditor. Thus, the provisions on imposing the fulfilment of the obligation on the third party by a debtor should be excluded from Item 1 of Article 31 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: general and special norms; borrowing and re-terminologization; fulfilment of the obligation by depositing the debt; fulfilment turnover; regulative subsidiary obligation; imposition

Введение: проблема актуализации научных знаний об обязательствах сопряжена со сложной и весьма кропотливой работой по постижению сути законодательных изменений с целью оценки удовлетворительности состоявшихся законодательских решений. Предметом авторского внимания стали вопросы о соотношении общих и специальных норм в подотрасли обязательственного права, о таком специфическом способе исполнения обязательств, как принятие долга. Автор обращается также к терминологическим проблемам подотрасли, исследуя законодательное оформление таких нормативных конструкций, как проценты по денежному обязательству и о праве кредитора потребовать по суду исполнения обязательств в натуре (астреинт). Анализируя изменения и дополнения в системе обязательств, автор затрагивает проблему субсидиарных обязательств регулятивного свойства и вопросы исполнения обязательства третьим лицом. Задачей предпринятого исследования является привлечение внимания цивилистики к неисследованным, малоисследованным или просто пока еще не замеченным доктриной проблемам теории обязательственного права. **Цель:** на основе базовых постулатов об обязательствах точно обратиться к отдельным проблемам обязательственного права в его пореформенный период. По мнению автора, детальный анализ отдельных новелл и реформированных институтов поможет внести ясность в замыслы законодателя и итоги проведенной реформы обязательственного права. **Методы:** методологическую основу статьи составил общенаучный (диалектический) метод познания обязательственного права и его норм. Использовались также частнонаучные методы познания: формально-юридический, логический, системный подходы. **Результаты:** относительные правоотношения неоднородны и имеют собственную, пока не изученную современной цивилистикой систему. Обязательства – часть этой системы. Иными ее частями являются корпоративные, реституционные, секундарные отношения. Учет этого подразделения выступает методологическим ориентиром для научных суждений, относящихся к соответствующим фрагментам общей тематики обязательств. Правильное позиционирование обязательств в системе всех относительных отношений является одной из необходимых посылок для суждений о соотношении общих и специальных норм в обязательственном праве. Автор квалифицирует его как замещающее с приоритетом специальных норм, чей ресурс является первичным. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ. Обращаясь к проблеме использования термина «обязательство» в финансово-правовой науке и бюджетном законодательстве, автор привлекает аргументы представителей терминологической науки (терминоведения), делая вывод о том, что нет оснований рассуждать о межотраслевой миграции, заимствовании и ретерминологизации. «Обязательство» – это общеупотребительный термин. Для гражданского права собственно значимым является термин «гражданско-правовое обязательство», за которым стоит соответствующее правовое явление и отраслевое понятие. Для финансово-правовой науки таковым является финансовое (налоговое, бюджетное) обязательство. Автором также сформулировано предложение о возможности и допустимости использования в гражданском праве такого научного понятия, как «регулятивное субсидиарное обязательство». Исследуя проблему исполнения обязательства не лично должником, а третьим лицом, автор утверждает, что вопрос о возложении исполнения обязательства на третье лицо относится к сфере взаимоотношений между третьим лицом и должником и не затрагивает интереса кредитора. А потому положения о возложении должником исполнения обязательства на третье лицо следует исключить из пункта 1 статьи 31 ГК РФ.

Ключевые слова: общие нормы и нормы специальные, заимствование и ретерминологизация; исполнение обязательства внесением долга в депозит; оборот исполнения; регулятивное субсидиарное обязательство; возложение

Введение

Для характеристики обязательственного права в качестве основополагающей, базовой подотрасли гражданского права на современном этапе в специальной и учебной литературе используется немало в том числе ярких литературных образов, таких как: «кровь и плоть гражданского права» (Е. А. Суханов), его «кровеносная система» (Н. Д. Егоров), «квинтэссенция основных принципов гражданского права» (В. А. Белов). Подчеркивая с помощью подобных приемов роль и место норм об обязательствах в регулировании имущественных отношений и ценностную, системообразующую роль обязательственного права для всего гражданского права, современные цивилисты обоснованно озабочены тем, чтобы знания об обязательствах оказались прочными и непоколебимыми, а законотворческие решения однозначными, поскольку в дальнейшем потребуются сложная и весьма кропотливая работа непосредственно с законодательными текстами. При этом если тексты принятых законов – результат запланированных и весьма масштабных реформ, учитывающих не только внутренние, но и внешние факторы, то задача их восприятия значительно усложняется. Решить ее с помощью комментариев действующего законодательства оказывается уже не всегда возможно. Необходимо погружение в научную составляющую гражданского права, что позволит уяснить замыслы законодателя и воплощенные в обновленной или вновь появившейся норме идеи. Подобное исследование имеет и другую цель, заключающуюся в том, чтобы привлечь научное внимание к неисследованным, малоисследованным или просто пока не замеченным доктринальным проблемам, обнаружившимся после 1 июня 2015 г. с вступлением в силу обширных изменений норм ГК РФ об обязательствах, предусмотренных Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹.

Настоящая статья не имеет целью систематического анализа отдельных институтов обязательственного права в их законодательной последовательности. Мы сосредоточим свое внимание на исследованных не в полной мере, а также спорных вопросах обязательственного права, порожденных состоявшейся законотворческой работой. И поскольку исследование этих вопросов в настоящей статье носит не сплошной характер, в том числе и потому, что отдель-

ные проблемы обязательственного права уже были предметом авторского внимания [8; 9], а фрагментарный, то мы обязаны обозначить те подходы, которые для суждений, излагаемых в настоящей статье будут выполнять роль методологического ориентира.

Суждения автора опираются на три признака, позволяющих отличить обязательственное отношение от других видов относительных правоотношений: право одного лица требовать совершения в свою пользу действия; определенность требуемого действия; положительный характер действия, корреспондирующего кредиторскому интересу. Аналогичные признаки обязательственных отношений являются определяющими и в немецкой правовой доктрине [30, s. 10] и законодательстве, что послужило основой для русского, а затем российского законодателя в уяснении явления, относящегося по немецкому праву к праву требования кредитора [34].

Экономически обоснованный интерес кредитора всегда находится в зоне риска. И потому всякое обязательство всегда направлено в будущее. Этот интерес по правилам об обязательствах может быть удовлетворен только за счет чужих действий, носителем которых выступает строго определенное лицо – должник. В условиях гуманизации права кредитор может и должен верить в то, что должник обязательство исполнит, при этом действительное исполнение зависит от добросовестности / недобросовестности его должника. Поэтому законодатель нередко «принимает сторону кредитора», устанавливая несимметричные правила для сторон обязательства. Этой идеей наполнено немало норм ГК РФ. В их числе набор норм, направленных на достаточно жесткую для гражданского права регламентацию действий обязанного лица, о презумпции процентного характера денежных обязательств (ст. 317.1 ГК РФ) и т. п. Из этой же области расширение средств укрепления кредиторских прав в виде перечня поименованных способов обеспечения обязательств, включающего как вещное (залог), так и личное (поручительство и др.) обеспечение, а также возможность согласования непоименованных способов обеспечения. Учитывая то, что ценность обязательства в его исполнении, законодатель предусмотрел неизвестные ранее правила о межкредиторском соглашении (ст. 309.1 ГК РФ), об иждивении должника (ст. 309.2 ГК РФ), о сроках исполнения обязательства в случае если сроки исполнения обязательства оказались не установленными (ст. 314 ГК РФ), о порядке погашения требований по однородным обязательствам (ст. 319.1 ГК РФ), о потестативных усло-

Introduction

For characterizing the law of obligations as a fundamental, key branch of civil law at the present stage, special and educational literature uses many bright literary images such as “blood and muscle of civil law” (Y. A. Sukhanov), its “blood circulatory system” (N. D. Yegorov), “the quintessence of the basic principles of civil law” (V. A. Belov). Emphasizing in this way the role and place of the norms on obligation in regulating the property relations, the systemically important role of the law of obligations for civil law in general, modern specialists in civil law are reasonably worried whether the knowledge on obligations can prove to be solid and unchangeable, and legislative decisions - indisputable. This is essential as the future will require complicated and rather laborious work directly with legislative texts. What is noteworthy, if the texts are the result of the planned and large-scale reforms that take account of both the internal and external factors, the task of understanding the texts is getting more difficult. It appears that meeting this challenge is not always possible with only using commentaries to the current legislation. It is necessary to immerse into the scientific constituent of civil law, which can make the legislator's intentions clear and can help to understand the ideas that were implemented in the updated or newly emerged norm. Such a study has one more aim of attracting scientific attention to problems unexplored, underexplored or yet unnoticed by the doctrine, which were discovered after June 1, 2015, when numerous changes of the Civil Code of the Russian Federation obligation norms came into force. The changes were introduced by the Federal Law No. 42-FZ “On Introducing Amendments into Part One of the Civil Code of the Russian Federation” of March 8, 2015¹.

This article does not aim at systematic analysis of separate institutions of the law of obligations in their legislative sequence. We will focus on the unexplored, underexplored and disputable issues of the law of obligations, those resulting from the legislative work performed. And as the study of these issues within this article is not detailed (amongst other things, because specific problems of the law of obligations have already been researched by the author [8, 9]) but fragmentary, we are to define the approaches that would serve as the methodological reference point.

The author's judgments are based on three features that allow for distinguishing between the relation in obligation and other types of relative legal relations: the right of a person to demand performing an action in his favor; the certainty of the required action; the positive character of the action corresponding to the creditor's interest. Similar features of the relations in obligation are also determinative for German legal doctrine [30, p. 10] and legislation, and this served as the basis for the Russian legislator in understanding the phenomenon which is treated by the German law as the creditor's right of claim [34].

The economically justified interest of a creditor is always at risk. This is because every obligation is always directed to the future. According to the rules of obligations, this interest can only be satisfied by means of someone else's actions, the carrier of which is a strictly determined person – the debtor. In the conditions of the humanitarization of law, the creditor may and is to believe that the debtor will certainly fulfill his obligations; at the same time, the actual fulfillment depends on the good faith/ bad faith of his debtor. That is why the legislator often “takes the side of the debtor”, thus making unequal rules for the parties in obligation. This idea is manifested in many provisions of the Civil Code of the Russian Federation. They include, among others, the complex of norms on the presumption of a percentage-based character of monetary obligations, aimed at regulating the obligator's actions in a manner which is rather rigid for civil law (Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation). Another manifestation is the extension of means for strengthening the creditor's rights through a list of defined means to secure obligations, including both property security (deposit) and security in person (suretyship, etc.), as well as the possibility to submit the unmentioned means of providing security for approval. Keeping in mind that the value of an obligation is in fulfillment thereof, the legislator introduced the earlier unknown rules about the intercreditor agreement (Article 309.1 of the Civil Code of the Russian Federation), about the dependency of the debtor (Article 309.2 of the Civil Code of the Russian Federation), about the deadline for the obligation to be fulfilled in case it is not fixed (Article 314 of the Civil Code of the Russian Federation), about the order of repaying similar debts (Article 319.1 of the Civil Code of the Russian Federation), about potestative terms of

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1412.

виях обязательства и его встречном исполнении (ст. 327.1 ГК РФ). Применительно к ответственности за нарушение обязательств в нормах ГК РФ впервые установлена презумпция возмещения должником кредитором убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, независимо от использования кредитором иных способов защиты нарушенных прав (подп. 2 п. 1. ст. 393 ГК РФ).

В стремлении сбалансировать имущественные интересы кредитора и должника законодатель направляет контрагентов по пути сотрудничества и взаимной добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ), что можно также расценивать как законодательную поддержку кредитора.

Относительные правоотношения неоднородны и имеют собственную систему, пока не до конца изученную современной цивилистикой. Обязательства – часть этой системы. Иными ее частями являются корпоративные, реституционные, секундарные отношения. Мы будем исходить также из позиционирования обязательственных правоотношений в качестве одной из разновидностей относительных правоотношений, что составляет еще один методологический ориентир для настоящей статьи.

Об общих и специальных нормах в регулировании обязательственных правоотношений

Немалая доля состоявшихся изменений пришлось на нормы подраздела I «Общие положения об обязательствах» раздела III ГК РФ. Необходимость данного подраздела предусмотрена наличием различных разновидностей обязательств в зависимости от оснований их возникновения. Но если отношения поименованы как обязательственные, то все их объединяет одна общая черта в виде сущностного характера возникшего правоотношения. Отсюда берет свое начало догма о подразделении всех норм обязательственного права на общие и специальные. При этом правила о соотношении норм общих и специальных применительно к договорным обязательствам и обязательствам внедоговорным имеют хоть и не самые большие, но различия.

Исторический масштаб эволюции норм общих положений об обязательствах не слишком велик. Будучи связанным непосредственно с кодификационными работами, этот процесс в своем начале весьма мало опирался на научную мысль, а потому в равной мере был как стихийным, так и необходимым. Стихийность процессу сообщалась слишком малым числом научных произведений, которые бы способствовали составителям проекта Гражданского уложения

Российской империи (в ред. 1899 г.) в их формулировании. Одной из очень немногих работ того времени была докторская диссертация 1872 г. профессора варшавского университета В. И. Голевинского «О происхождении и делении обязательств», в которой систематически была изложена общая часть обязательственного права. Как отмечал автор, «построение правильной теории обязательств составляет одну из самых важных задач науки и один из самых важных жизненных вопросов для всякого развивающегося законодательства». Однако, по свидетельству Г. Ф. Шершеневича, в то время «в практическом отношении этот труд оценен не был» [29, с. 87].

Необходимость же предопределялась разнообразием обязательств и значительным числом норм о них. Как подчеркивал в период разработки проекта М. М. Винавер, правильной логической схемой распределения законодательного материала может быть лишь та, в которой есть правила, «общие всем обязательствам, выделенные особо» [7, с. 174]. Ученый именовал общие положения об обязательствах «лестницей правил по степени убывающей общности (обязательства, договор, данный договор)» и обращал внимание на ведущие признаки этой группы норм, указывая в их числе космополитизм и универсальность [7, с. 165]. Правда, итог проведенной работы по созданию общих положений об обязательствах разочаровал М. М. Винавера, весьма критично отнесшегося к той совокупности норм, что были заключены в проект. Автор констатировал, что «в X томе общая часть обязательственного права, собственно, отсутствует. Ибо нельзя окрещивать этим внушительным именем два десятка статей, согнанных со всего света, дурно переведенных, изрезанных и искалеченных» [7, с. 163].

Нельзя не отметить тот удивительный факт, что, при всем масштабном внимании последующей цивилистики к обязательственному праву и его проблематике, проблеме построения и систематизации общих положений обязательственного права было уделено критически мало внимания.

В первом акте состоявшийся гражданско-правовой кодификации ГК РСФСР 1922 г. содержалось фактически две общие части обязательственного права: 5.1. Общие положения (ст. 106–129) и 5.2. Положения об обязательствах, возникающих из договоров (ст. 130–151). Как указывал О. С. Иоффе, необоснованность такой классификации бросается в глаза уже при первом ознакомлении с нею: поскольку обязательства возникают не только из договоров, нельзя считать оправданным возведение дого-

an obligation and its counter performance (Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation). As for the liability for breaching an obligation, it is the first time ever that the Civil Code of the Russian Federation provides for the presumption of the debtor's compensation for the losses incurred by the creditor as a result of non-fulfillment or improper fulfillment of the obligation, together with the opportunity given to the creditor for using other means of protecting the infringed rights (Subparagraph 2 of Item 1 of Article 393 of the Civil Code of the Russian Federation).

In an attempt to balance the financial interests of the creditor and the debtor, the legislator makes the counter-parties follow the way of cooperation and mutual good faith (Item 3 of Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation). This also can be viewed as a legislative support for the creditor.

Relative legal relations are non-homogeneous and have their own system, which is not fully researched by the modern civil law science. Obligations are a part of that system. Its other parts are corporate, restitutionary and secundarious relations. We will also proceed from seeing the relations in obligation as a kind of relative relations, this being one more methodological reference point of this article.

On General and Special Norms in Regulating Relations in Obligation

A great amount of changes falls within the norms of Subsection I “General Provisions on Obligations” of Section III of the Civil Code of the Russian Federation. This subsection is a necessary part within the structure of the Code due to the presence of different types of obligations depending on the obligation commencement reasons. But if the relations are defined as relations in obligation, they are united with one common feature of the essential character of the established legal relation. From here originates the dogma about dividing all the norms into general and special ones. The rules about the correlation between the general norms and the special norms with regard to the contractual obligations and non-contractual obligations have some differences, although not very big.

The historical scale of evolution of the general provisions on obligations is not very significant. Having been connected to the codification works, this process originally did not rest that much on the scientific thought, and so was as spontaneous as needed. The spontaneity of the process was driven

by a very small number of scientific works which could help the authors of the Civil Code of the Russian Empire (version of 1899) in developing the wording. One of the few works of that time was the Doctoral Thesis of 1899 by V. I. Golevinsky ‘On the Origin and Grouping of Obligations’, which systematically presented the general part of the law of obligations. As the author noted, “constructing the correct theory of obligations is one of the most important scientific tasks and one of the most vital issues of every developing legislation”. However, as G. F. Shershenevich mentioned, at that time “these writings were not evaluated with regard to the lessons that could have been learned from them” [29, p. 87].

The necessity for further work was predetermined by the variety of obligations and a great number of norms on them. During the period of the project development, M.M. Vinaver emphasized that only the logical scheme having the rules “which are common for all the obligations and specially distinguished”, can be treated as a correct one [7, p. 174]. The scientist called the common norms on obligations “the staircase of rules with regard to reducing the commonality (obligation, contract, a particular contract)” and paid attention to the main characteristic of this group of norms noting cosmopolitanism and universality among them [7, p.165]. However, the result of the work performed on creating the general norms on obligations disappointed M.M. Vinaver, who was very critical about the complex of norms included into the project. The author stated that “in Volume X, the general part of the law of obligations is in fact absent. Since it is not possible to give this ambitious name to a couple of articles collected from all the world, poorly translated, cut to pieces and defective” [7, p. 163].

One cannot ignore the amazing fact that with all the subsequent great attention of the civil law science to the law of obligations and its problems, the problem of constructing and systematizing the general norms of obligation law was given critically little attention.

The first act of the civil law codification of the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1922 actually contained two general parts of the law of obligations: 5.1. General Provisions (Articles 106–129) and 5.2. Provisions on Obligations Resulting from Contracts (Articles 130–151). As O. S. Ioffe mentioned, the invalidity of this classification strikes the eye even at first glance: since the obligations result not from contracts only, one cannot justify treating

ворно-правовых норм в ранг общих правил обязательственного права в целом [14, с. 10].

Наиболее удачным с точки зрения систематизации норм об обязательствах оказался ГК РСФСР 1964 г., чья внутренняя согласованность норм явилась его значительным технико-юридическим достижением. В этом Кодексе вместо двух Общих частей были сконструированы Общие положения для всего обязательственного права с использованием группировки по главам, чего в ГК РСФСР не было. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.¹ содержалась отдельная глава – «Общие положения об обязательствах», которая, кроме одной статьи о понятии обязательства, фактически вся была посвящена гражданско-правовому договору. При принятии ГК РФ 1994 г. этот опыт построения общих положений обязательственного права использован не был. Структура современного подраздела Общих положений об обязательствах, а также наименование входящих в него глав полностью повторяют названия глав ГК РСФСР 1964 г. По аналогии с этим актом догматика об обязательствах в действующем ГК РФ включает шесть самостоятельных глав:

1. Понятие обязательства (гл. 21).
2. Исполнение обязательств (гл. 22).
3. Обеспечение исполнения обязательств (гл. 23).
4. Перемена лиц в обязательстве (гл. 24).
5. Ответственности за нарушение обязательств (гл. 25).
6. Прекращение обязательств (гл. 26).

В новой ст. 307.1 ГК РФ систематизированы три группы обязательств – договорные, из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения на предмет соотношения норм о них с Общими положениями об обязательствах.

Согласно п. 1 ст. 307.1 ГК РФ, к договорным обязательствам общие положения об обязательствах применяются, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров нормами ГК РФ и нормами иных федеральных законов. Особой новизны в этом правиле нет, поскольку используется известный прием, при котором приоритет отдается не общим нормам, а нормам специального законодательства. Но несомненным достоинством этого правила, как и следующих, включенных в содержание ст. 307.1 ГК РФ, является их легальность. Подобный прием не только напоминает о логике пандектной системы, лежащей в основе россий-

ского законодательства, но и несет понимание того, что правила и конструкции, относящиеся к Общим положениям, несмотря на их точность и максимальную универсальность, тем не менее не имеют приоритета перед специальными нормами об обязательствах.

Нормы о договорных обязательствах представлены в ГК РФ тремя уровнями правового регулирования: 1) общие положения об обязательствах (гл. 21–26); 2) общие положения о договоре (гл. 27–29); 3) правила об отдельных видах договорных обязательств (гл. 30–58). Наличная разноразность норм о договорных обязательствах и умозрительность правила о приоритете одних норм из этой линейки над другими – слишком плохой ориентир как для субъектов правоприменения, так и для правоприменителя. Для того чтобы понимать, какие в итоге нормы имеют приоритет в регулировании договорных обязательств, а какие лишь субсидиарны, требовались значительные усилия.

Современные правила достаточно логичны и прозрачны. Их суть проста: если речь идет об отдельном обязательстве, то, в условиях многоуровневого регулирования обязательств и их разновидностей поиск необходимой нормы идет по траектории: от нормы специальной к норме общей. Такова теоретическая формула, на которой основано правило п. 1 ст. 307.1 ГК РФ применительно к договорным обязательствам. На практике это означает, что в регулировании конкретного обязательства первичным является ресурс специальных норм, содержащихся в соответствующей главе ГК РФ о данном обязательстве и (если таковые имеются) в нормах специальных законов. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ.

В состав специальных норм, которыми могут вытесняться правила общих положений об обязательствах, входят так называемые специальные законы. В п. 1 ст. 307.1 ГК РФ они именованы как «иные законы». Как отмечает автор одного из комментариев к Гражданскому кодексу РФ, «в этой части положения п. 1 ст. 307.1 ГК РФ явились ответом на дискуссию об иерархии нормативных правовых актов» [10]. В итоге законодатель взял за основу позиции высших судебных инстанций, где неоднократно высказывались сомнения о допустимости определения иерархии законов в самом законе, и подчинился нормам Конституции РФ, согласно которой федеральные законы не имеют иерархии.

Известно, что разделение норм на общие и специальные проводится в зависимости от их назначения. Общие нормы предназначены для

the contractual legal provisions as the general provisions of the obligation law as a whole [14, p. 10].

The most successful civil code with regard to systematization of the norms on obligation was the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1964, where the internal harmony of norms turned to be a significant technical juridical achievement thereof. Instead of two General Parts, in this code there were developed General Provisions for the whole obligation law, with the use of the per-chapter grouping, which had not been employed before. The Basic Principles of Civil Legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics of 1991¹ contained a separate chapter “General Provisions on Obligations”, which, except for one article covering the definition of obligation, was fully devoted to the civil law contract. This experience of constructing the general norms of the obligation law was not used for developing the Civil Code of the Russian Federation of 1994. The structure of the current Sub-Section with General Provisions, and the titles of the Chapters included hereto fully reproduce the titles of the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1964. Similar to this act, dogmatics on obligations of the current Civil Code of the Russian Federation includes six independent chapters:

1. Definition of Obligation (Chapter 21).
2. Fulfillment of Obligations (Chapter 22).
3. Securing the Fulfillment of Obligations (Chapter 23).
4. Substitution of Persons in an Obligation (Chapter 24).
5. Liability for Breaching of Obligations (Chapter 25).
6. Termination of Obligations (Chapter 26).

New Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation systematizes three groups of obligations – contractual, those resulting from infliction of harm and those resulting from unjust enrichment with regard to compliance between the norms covering them and the General Provisions on Obligations.

According to Item 1 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the general norms on obligations are applied to contractual obligations if not prescribed otherwise by the rules on individual types of contracts in the norms of the Civil Code of the Russian Federation and other federal laws. There is no special novelty in this rule, because a special technique is used in it when the priority is given not to general norms but to special norms of law. The unquestionable advantage of this rule, as well as the following ones, included in the content of Article 307.1 of the Civil Code of the

Russian Federation, is their legality. Such a technique does not only remind about the pandect system logics underlying the Russian legislation, but also helps to understand that the rules and constructions of the General Provisions have no priority over the special obligation norms in spite of the accuracy and maximum universality of the rules and constructions.

The norms on contractual obligations are presented in the Civil Code of the Russian Federation by three legal regulation levels: 1) general provisions on obligations (Chapters 21–26); 2) general provisions on contract (Chapter 27–29); 3) rules about individual types of contractual obligations (Chapters 30–58). This multi-level character of norms covering contractual obligations and the speculative nature of the rule about the priority of some norms over the other norms is a very poor reference point for both the subject of legal relations and the law executor. It was difficult to understand which norms have ultimate priority in regulating the contractual obligations and which of them are just subsidiary.

Modern rules are quite logical and clear. Their essence is simple: if an individual obligation is meant, then – in the conditions of the multilevel regulation of the obligations and their variety – the search for the required norm follows the route from a special norm to a general one. That is a theoretical formula serving as the basis for Item 1 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation with regard to contractual obligations. In practical terms it means that in regulating a specific obligation, the primary resource is applying the special norms contained in the corresponding chapter of the Civil Code of the Russian Federation covering that particular obligation, and in the norms of special laws (if any). And only after this resource is exhausted and special norms are not enough any longer, the general norms on obligations contained in the Civil Code of the Russian Federation Chapters 21–26 are applied.

The special norms that can substitute for the general norms on obligations include the so-called special laws. Item 1 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation calls them “other laws”. As noted by the authors of one of the commentaries to the Civil Code of the Russian Federation, “in this part, the provisions of Item 1 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation appeared to be the answer to discussion about the hierarchy of normative legal acts” [10]. Finally, the legislator proceeded from the positions of the highest courts which repeatedly doubted the admissibility of defining the laws’ hierarchy within the law itself, and after that the legislator agreed with the norms of the Constitution of the Russian Federation which runs that federal laws have no hierarchy.

As is known, division of the norms into general and special is made depending on their purpose.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26, ст. 733.

¹ Official Gazette of the Congress of People’s Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. No. 26. Article 733.

всех субъектов, поскольку в них закреплены правила поведения без учета каких-либо особенностей экономической и иной деятельности. Специальные нормы отражают особенности правового регулирования в отдельных областях. Практическое же значение такого деления норм заключается в том, что специальным нормам в процессе правоприменения отдается предпочтение перед общими. Нормы общие применяются лишь тогда, когда соответствующее отношение не урегулировано либо не в полной мере урегулировано в нормах специальных. Между общими и специальными нормами существует неразрывная связь: специальное законодательство базируется на общем законодательстве, оно зависимо от него, так как использует конструкции и категории общих норм.

Как отмечает С. А. Еременко, общая или простая норма гражданского права – это гражданский закон, предусматривающий гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет общее для всех субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения. Специальная норма предусматривает гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет особое (исключительное) для субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения [11, с. 112].

Итоговый вывод об общем или специальном характере основывается на том закономерном следствии, которое возможно вывести не только из характера нормы, но и места расположения норм.

Понимание соотношения норм общих и норм специальных, конечно, не способно абсолютно уберечь от потенциальных субординационных коллизий при применении норм обязательственного права. В усложняющемся гражданском законодательстве поводов для этого хватает. В их числе разные формы концентрации общих и специальных норм в нормативном материале: Общие положения кодекса и Общие положения раздела, специальные параграфы и специальные законы. Поэтому потенциально возможны три вида конкуренции гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения: между общими нормами; между общей и специальной нормами; между специальными нормами. Да и ст. 3 ГК РФ о зако-

нах, «принятых в соответствии с ГК РФ», которые предполагаются только как специальные, продолжает действовать в имеющейся редакции. А значит, всякий закон, принятый не «в соответствии с ГК РФ», должен будет сначала проверяться на соответствие ГК РФ и лишь затем может быть применен для регулирования отношений в формате «общий-специальный».

Однако представляется, что проблема соотношения специальных норм об обязательствах и норм общих имеет место не только в описанных случаях. Она состоит еще и в том, как воспринимать факты возникновения противоречий в случае столкновения норм общих и норм специальных: как процесс негативный или как обычный процесс правореализации и правоприменения, но отягощенный при этом необходимостью преодоления возникшего противоречия из-за наличия в базе регулирования норм общих и специальных. На наш взгляд, в литературе вполне обоснованно предлагается отличать противоречия от коллизии.

Признавая обоснованность порядка соотношения общих и специальных норм об обязательствах, установленного п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, авторы комментария к ГК РФ выражают опасение, что «его применение снижает значение основополагающих требований к исполнению обязательства (ст. 307, 309 ГК), поскольку буквальное толкование положений комментируемой статьи приводит к выводу, что специальным законом может быть отменено требование учета прав и законных интересов друг друга, добросовестности при исполнении обязательства, взаимного содействия и др.» [10]. По их мнению, такое понимание не соответствует целям и смыслу правового регулирования. В этой части можно возразить с помощью одного аргумента. Его суть состоит в том, что все нормы об обязательствах, как общие, так и специальные, неформально связаны с нормами раздела I ГК РФ. Общие положения, а значит, и нормы об обязательствах связаны с общими правилами о реализации гражданских прав (ст. 1, 9, 10 ГК РФ), которые ни при каких условиях не могут быть отменены или изменены.

В нормах Общих положений об обязательствах долгое время отсутствовало разграничение между договорными и внедоговорными (деликтными, кондикционными) обязательствами и не были определены особенности их правового регулирования. На это «общее упущение и необходимость его исправить в целом» обращал внимание еще М. М. Винавер при разработке проекта Гражданского уложения 1899 г. В настоящее время установлено соотношение Общих положений об обязательствах с правилами

The general norms are meant for all the subjects, as they define the rules of behavior with no regard for any peculiar features of the economic activity or any other activity. Special norms reflect the particularities of legal regulation in individual spheres. The practical meaning of such division of norms is that the special norms are preferred to the general norms in the process of the law enforcement. The general norms are only applied when the relation in question is not regulated or not fully regulated by the special norms. There is an indispensable link between the general and the special norms: the special legislation rests on the general legislation, it depends on it, because it uses contractions and categories of general norms.

As S. A. Yermenko emphasizes, a general (simple) norm of civil law – is a civil law providing for a consequence that arrives by virtue of such grounds for civil rights and duties that determine a condition – common for all civil right subjects (objects) – for the legitimate realization of that consequence influencing the qualification of this particular civil law relation. A special norm provides for a civil law consequence that arrives by virtue of such grounds for civil rights and duties, that determine a condition – special, exceptional for all the civil rights subjects (objects) – for the legitimate realization of that consequence influencing the qualification of this particular civil law relation [11, p.112].

The final conclusion about the general or the special character is based on the expected deduction that can be traced out not only from the nature of the norm but from the norm location.

Understanding the correlation between the general and special norms surely cannot fully protect from potential subordination collisions when applying the norms of the law of obligations. The complicated civil legislation has enough opportunities for that, including different forms of concentration of the general and special norms in the normative materials: the General Provisions of the Code and the General Provisions of the Section, special paragraphs and special laws. That is why there are three potential types of competence between the civil law norms that regulate relations in obligation: between general norms, between a general norm and a special norm, between special norms. Besides, Article 3 of the Civil Code of the Russian Federation about the laws “adopted in compliance with the Civil Code of the Russian Federation”, which are only suggested as special ones, continues to have effect in the current wording. This means that every law that was adopted not “in accordance with the Civil Code of the Russian Federation” will have to be first

checked for the compliance to the Civil Code of the Russian Federation, and only after that it can be used for regulating relations in the “general-special” format.

However, it appears that the problem of correlation between the general and special norms on obligations is typical not only of the above cases. It is also connected with perceiving the facts of contradictions between the general and special norms: seeing them as a negative process or seeing them as an ordinary process of the law implementation and law enforcement, but burdened with the need to overcome the contradiction that has arisen due to the presence in the regulatory framework of both general and special norms. We agree with the views expressed in literature concerning the necessity to differentiate between contradictions and collisions.

Having agreed with the order of correlation of general and special norms set by Item 3 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the authors of the commentary to the Civil Code of the Russian Federation fear that “applying this order will downgrade the fundamental requirements for the fulfillment of the obligation (Articles 307, 309 of the Civil Code of the Russian Federation), as the literal interpretation of the norms of the commented article leads to a conclusion that a special law can annul the requirement for observing the legitimate rights and interests of the counter-parties, the good faith requirement when fulfilling an obligation, mutual support requirements and so on” [10]. In their opinion, such understanding does not comply with the purpose and the meaning of the legal regulation. However, there is an argument we can use to object. The point is that all the norms covering obligations (both general and special) are informally connected with the norms of Section I of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation, and so the norms on obligations are connected with the general rules of exercising civil rights (Articles 1, 9, 10 of the Civil Code of the Russian Federation), which cannot be changed or cancelled under any conditions.

For a long period of time, the norms of General Provisions on Obligations did not contain any distinction between the contractual and non-contractual (delictual, conditioned) obligations, and the specific features of their legal regulation were not defined. This “general omission and the necessity to fully compensate for it” was noticed by M. M. Vinaver as far back as at the end of the 19th century, when the Civil Code of 1899 was being developed. Currently, there is a correlation established between the General Provisions on Obligations and the rules

об отдельных видах внедоговорных обязательств. Как установлено п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, «к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами глав 59 и 60 и не вытекает из существа соответствующих отношений». Однако порядок применения общих положений об обязательствах для целей регулирования обязательств внедоговорных несколько иной. Здесь также специальные нормы (гл. 59, 60 ГК РФ) приоритетны по отношению к общим положениям. Но специфика обязательств из причинения вреда и обязательств из неосновательного обогащения предусматривает возможность и иного регулирования. Поэтому по отношению к этим видам обязательств закреплена необходимость учета также и их существа с установлением приоритета существа внедоговорных отношений над буквальным текстом общих положений об обязательствах. Тем самым в законодательстве появилась еще одна оценочная категория – существо внедоговорного обязательства, развить и конкретизировать которую на законодательном уровне, как представляется, невозможно, вследствие чего это становится задачей правоприменителя.

Изменение предметных характеристик всего гражданского права за счет вычленения в сфере его регулирования корпоративных отношений следует также скоординировать с нормами обязательственного права. Это необходимо было сделать для того, чтобы провести необходимое разграничение корпоративных и обязательственных отношений, которое в итоге и состоялось. С принятием п. 3 ст. 307.1 ГК РФ был устранен назревший недостаток действовавших норм об обязательствах, определявших понятие «обязательство», однако не позволявших отграничить обязательство от иных категорий сходных гражданских правоотношений, прежде всего корпоративных. Проблема разграничения была решена за счет дополнения ГК РФ нормой о возможности применения общих положений об обязательствах к другим определенным гражданским правоотношениям (реституционным, корпоративным), если иное не установлено ГК РФ и иными федеральными законами и не вытекает из существа соответствующих гражданских правоотношений.

Как установлено в п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, общие положения об обязательствах применяются к отношениям, не являющимся обязательственными. Речь идет об отношениях корпоративных и реституционных, не имеющих достаточной для акта кодификации системной регуляции.

Установление в ГК РФ нормы о том, что к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (гл. 4), применяются общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений (подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), завершило правовое регулирование корпоративных отношений. Названная правовая норма вслед за ч. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ закрепила самостоятельность корпоративных отношений и отделила их от отношений обязательственных и реституционных. Нормы корпоративного законодательства и нормы о реституции являются специальными, а потому имеют преимущество перед общим законодательством. Таким образом, законодатель допустил распространение общих норм обязательственного права на другие виды относительных отношений, при условии, что специальных норм в законодательстве о реституции и корпоративном законодательстве нет или недостаточно для их регулирования.

Терминологические проблемы обязательственного права

Терминологические погрешности в той или иной мере сопровождают любую законодательную область. Причины этого многообразны. Одна из них – в наличии ситуаций, обнаруживающих недостаток доктринальной базы относительно того или иного явления, претендующего на статус правового, в виде фактической неспособности науки предложить законодателю теоретически проработанные варианты предполагаемой юридической конструкции. В этом случае законодателю ничего не остается, как начинать действовать самостоятельно, без учета доктринальных наработок. Конечно, неизбежно обращение к опыту современных европейских соседей. Привычка использовать западный опыт, как показывают наблюдения, характерна для российского правотворчества современного периода, и именуется это заимствование очень часто «унификацией российского и европейского права». Не было бы оснований критиковать подобный алгоритм подготовки будущих законодательных конструкций, если бы, думая об унификации, законодатель не шел по пути простого заимствования. Как, отчасти справедливо замечено в литературе, «заимствование уже готовых институтов и конструкций – тех, что сформулированы учеными на материалах иных законодательств, – это тот максимум, на который хватает фантазии нашего законодателя» [2, с. 13].

Интернациональным характером правового языка не всегда можно оправдать низкую и далеко не однозначную для науки и практики эф-

on individual types of non-contractual obligations. As Item 2 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation runs, the obligations arising from the infliction of harm or from the unjust enrichment, are regulated by the general norms on obligations if not stated otherwise by the rules of Chapters 59 and 60, or implied by the nature of the existing relations. However, the order of applying the general norms on obligations for regulating the non-contractual obligations is somewhat different. The special norms (Chapter 59, 60 of the Civil Code of the Russian Federation) again take priority over the general norms. But the specifics of the obligations arising from the infliction of harm or from the unjust enrichment provide for a different regulation opportunity. This is why, with regard to these types of obligations, it is necessary to consider their nature and to establish the priority of the non-contractual obligations nature over the literal wording of the general norms on obligations. Therefore, the legislation has received one more evaluation category – the nature of the non-contractual obligation, which, as it seems, cannot be legislatively developed or definitized, and so the law executor is entrusted with this task.

Changing the subject characteristics of the whole civil law by singling out corporate relations in the sphere of its regulation should also be coordinated with the norms of the law of obligations. This was necessary for distinguishing between the corporate relations and the relations in obligation, and finally a line was drawn between them. The adoption of Item 3 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation remedied the shortcoming of the then-norms on obligations, which defined the notion of the “obligation” but did not allow for singling out the obligation from other categories of similar civil law relations, first of all – from the corporate ones. The problem of distinguishing was solved by means of amending the Civil Code of the Russian Federation with a norm about the possibility to apply the general norms on obligations to other individual civil law relations (restitutionary, corporate) if it is not stated otherwise by the Civil Code of the Russian Federation and other federal laws and not implied by the nature of the existing civil law relations.

As stated in Item 3 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the general provisions on obligations are applied to relations which are not obligatory. We mean the corporate relations and the restitutionary relations that do not have system regulation sufficient for an act of codification. The norms of the Civil Code of the Russian Federa-

tion running that “the requirements resulting from corporate relations (Chapter 4) are regulated by the general provisions on obligations since otherwise is not specified by the Civil Code of the Russian Federation and other federal laws and not implied by the nature of the existing civil law relations (Sub-Item 1 of Item 3 of Article 307.1 of the Civil Code of the Russian Federation)”, completed the legal regulation of corporate relations. The mentioned legal norm, following Part 1 of Item 1 of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation, has established the individuality of corporate relations and separated them from restitutionary relations and relations in obligation. The norms of the corporate legislation and the restitutionary norms are special ones, and so take priority over the general legislation. Thus, the legislator extended the general norms of the law of obligations to other types of relative relations, on the condition that there are no special norms in the restitutionary legislation and corporate legislation, or the number of norms is not enough for their regulation.

Terminological Issues of the Law of Obligations

Inaccuracy of terminology is in a sense typical of any legislative branch. There are various reasons for that. One of them is facing situations that reveal the lack of the doctrinal basis of this or that phenomenon which claims to have a legal status, when the science is not capable of providing the legislator with theoretically prepared variants of the required legislative construction. In this case, the legislator has no choice but to act at his own discretion and with no account for the doctrinal developments. Surely, the experience of the contemporary European neighbors will be addressed. A habit of using the Western experience, as evidenced from the observations, is typical of the modern Russian law-making process, and very often these borrowings are called “unification of the Russian and the European law”. There would have been no reasons for criticizing this algorithm of developing the future legislative constructions, if the legislator would not have followed the way of simple borrowing when considering the unification. As it was in a sense reasonably noted in literature, “borrowing the already developed institutions and constructions – those proposed by scientists based on the material of other legislations – is the utmost capacity of our legislator’s phantasy” [2, p. 13].

The international character of the law language cannot always be an excuse for low and sometimes questionable efficiency of the completed borrowings with regard to science and

фективность состоявшихся заимствований. Юристы бросаются толковать и систематизировать проделанную законодателем работу, «решая», как на самом деле должны были (бы) выглядеть тот или иной институт или конструкция. Доктрина же, пытаясь уяснить сущность заимствованной конструкции, вынуждена оперировать иноязычными терминами, которые в силу частоты их употребления незаметно начинают приниматься за законодательно закрепленные. Сложность последствий находит свое продолжение в том, что доктрину, а порой и законодателя, невозможно понять без вторичных (интерпретационных) текстов, которые содержатся в специальных словарях иноязычных терминов, изданных для таких вот специальных юридических целей [6].

Любая полноценно развивающаяся научная область нуждается в притоке новых научных понятий. Однако вряд ли правомерно делать ставку только на иноязычный ресурс. Во-первых, процесс вовлечения иностранной терминологии должен быть управляемым и, по возможности, регулируемым. Во-вторых, как и римская лексика, заимствование не должно рассматриваться в качестве единственного источника для развития терминологического ресурса гражданского права. В отличие от других отраслей права, он уже во многом имеет «иностранное лицо», на что обращалось внимание еще в дореволюционной цивилистике. Но дореволюционные преувеличения в процессах заимствования вполне можно объяснить объективными причинами, в числе которых бурное развитие немецкого законодательства в XIX в. и направление большей части российских цивилистов для освоения этих достижений в Германию. Найти же адекватное объяснение таким преувеличениям в современных условиях развития цивилистики и законодательства довольно непросто.

В теории права относительно систематически предпринимаются попытки описания правил и обоснованности такого заимствования [5], но в гражданско-правовой науке, наиболее открытой к такому заимствованию в силу исторических причин, привлечение внимания к вопросу во многом носит эпизодический характер с констатацией того факта, что процессы наполнения гражданско-правового пространства иностранной терминологией сегодня носят фактически беспредельный характер. Предметные же труды по данному вопросу в гражданском праве имеют очень единичный характер [4].

Вопросы терминологического свойства применительно к подотрасли обязательственного права в науке гражданского права практически не поднимаются. Свою роль сыграли и про-

должают играть масштабные труды в этой области представителей дореволюционной цивилистики с непоколебимым в своей основе определением обязательства, данным Д. И. Мейером, и цивилистики советской. Сила этого ресурса пока еще способна нейтрализовать всякое несовершенство законодательных терминов, отражающих соответствующие понятия в нормах обязательственного права. А потому проблема терминов в этой подотрасли, в отличие от права вещного, здесь остро не стоит. Но она, тем не менее, существует, что продемонстрировало обновление законодательного блока норм по обязательствам. Как продемонстрировала довольно многочисленная судебная практика, при модификации понятийного аппарата обязательственного права обнаружился ряд терминологических трудностей с одновременным обогащением проблемы недостаточности терминологической базы подотрасли. Актуализировался также и вопрос о последовательности развертывания понятийной системы гражданского законодательства в целом и норм обязательственного права в частности. Последнее можно проследить на примере ст. 317.1 ГК РФ «Проценты по денежному обязательству».

Не ставя под сомнение необходимость данной нормы, обратим внимание на ее терминологию начиная с названия. Семантика (осмысленная нагрузка отдельно взятых слов) терминов, использованных в наименовании статьи, неизбежно выводит всякого пользователя на интуитивное или осознанное восприятие того, что «такое уже где-то было». Далее идет неизбежное и необходимое сопоставление этой нормы со ст. 395 ГК РФ. Тем самым в понимание нормы вводится смысловая коннотация, не в полной мере соответствующая сущностному назначению принятой нормы. Идет процесс изначального ухода в сторону от того законодательного смысла, который заложен в содержание ст. 317.1 ГК РФ, нивелируется та ее трактовка, которую намеревался донести законодатель соответствующим нормативным названием и содержанием. Подтверждением того служит тот факт, что фактически каждая из многочисленных научных публикаций, объектами которых избрана эта неизвестная ранее российскому законодательству правовая реальность, начинается с противопоставления этих норм, спровоцированной указанной выше терминологической синонимией. Аналогично себя ведет и судебная практика, взявшая на себя необходимость в каждом акте правоприменения, связанном со ст. 317.1 ГК РФ, «объяснять», что нормы эти имеют разное функциональное действие. На проблему разграничения откликнулся и Пленум Верховного Су-

practice. The lawyers rush to interpret and systematize the work performed by the legislator, “deciding” what this or that institution or construction should look like in reality. While the doctrine, trying to understand the essence of the borrowed constructions, has to use foreign terms, which, when frequently used, unnoticeably start to be perceived as legislatively enshrined. The consequences become more complicated when it comes to impossibility to understand the doctrine, and sometimes the legislator, without secondary (interpreted) texts, which are contained in special dictionaries of foreign terms invented for these specific juridical purposes [5].

Any properly developing scientific sphere needs an inflow of new scientific notions. However, there are doubts about the rightfulness of relying on foreign resource only. Firstly, the process of involving the foreign terminology should be controllable and manageable to the practical extent. Secondly, a borrowing, including the Roman *lexis*, should not be viewed as the only source of developing the terminological resource of the civil law. Unlike other branches of law, it has already got a “foreign look”, and this was noticed already by the pre-revolutionary civil law science. But pre-revolutionary exaggerations in the borrowing processes could be justified by objective reasons, including the rapid development of the German legislation in the 19th century and delegating many of the Russian civil scientists to Germany for studying and mastering these achievements. While finding an adequate explanation for these exaggerations in the modern conditions of civil science and legislation development is not an easy task.

In the theory of law, systematic attempts are made to describe the rules and reasonableness of such borrowing [6], but in the civil law science (which is for historical reasons most open for such borrowing) this subject is given episodic attention, with the fact being stated that currently the processes of filling the civil law space with foreign terminology are actually unlimited in number. As for the special works devoted to this particular subject, there are very few of them in civil law [4].

Terminological issues are practically not raised with regard to the obligation law branch of the civil law science. This sphere was influenced and is still being influenced by the relevant works of the representatives of the Soviet civil law science and the

pre-revolutionary civil law science. The pre-revolutionary works rested on a rock-solid definition of the obligation given by D. I. Meier. The power of this source is still capable of neutralizing any imperfection of the legislative terms that reflect the corresponding notions of the obligation law norms. For this reason, the problem of terms in this branch, in contrast to the property law, is not acute. Nevertheless, it does exist, and the renovation of the legislative block of norms on obligation proved its existence. As the vast court practice has demonstrated, with the modification of the conceptual apparatus of the obligation law a number of terminological difficulties were revealed, a problem with insufficiency of the term base became evident. Besides, the question of the sequence of developing the conceptual system of the civil legislation in general, and of the obligation law norms in particular became relevant. The latter can be seen from the example of Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation “Interest on Monetary Obligation”.

Without contesting the reasonableness of this norm, let us pay attention to its terminology, starting with the title. The semantics (the meaning of individual words) of terms used in the title of the article inevitably makes every reader to realize consciously or by intuition that “been there, done that”. After that, the inevitable and necessary comparison of this norm with Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation takes place. Thus, the understanding of the norm is supplemented with a sense connotation that does not fully comply with the essence purpose of the adopted norm. And the process is started of deviating from the legislative sense that was originally given in the contents of Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation, its vision presented by the legislator in its title and contents, is cancelled out. This can be proved by the fact that practically every of the multiple scientific publications having the object of this legal reality (earlier unknown to the Russian legislation), starts with opposing these norms to each other. This opposition is provoked by the synonymy of the above terminology. The same is about the court practice which undertook to “explain” in every law enforcement act associated with Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation that these norms have different functionality. The problem of differentiating between these two was

да РФ, озаботившись в своем Постановлении № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» вопросами системного разграничения норм, заключенных в ст. 317.1 и 395 ГК РФ. Правда его позиция в большей мере похожа не на толкование, а на растолкование того, что хотел сказать законодатель, вводя в текст ГК РФ ст. 317.1. Как отмечено в Постановлении, при просрочке уплаты суммы основного долга на эту сумму подлежат начислению как проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, проценты, установленные п. 1 ст. 317.1, ст. 809, 823 ГК РФ), так и проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности (например, проценты, установленные статьей 395 ГК РФ. При этом, в соответствии с п. 2 ст. 317.1 ГК РФ, по общему правилу не допускается начисление предусмотренных законом или договором процентов, являющихся платой за пользование денежными средствами, на такие же проценты за предыдущий срок (сложные проценты), за исключением обязательств, возникающих из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности. Однако, если иное не установлено законом или договором, за просрочку уплаты процентов, являющихся платой за пользование денежными средствами, кредитор вправе требовать уплаты неустойки или процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ.

Получилось то, что получилось. Для того чтобы понять смысл и назначение одной нормы, необходимо сначала предметно уяснить ее законодательный смысл через ее противопоставление / сопоставление с другой нормой.

И все-таки более правильным был подход продуманного названия нормы, а не последующее напоминание юристу-профессионалу (на которого, как мы привыкли говорить, рассчитан Кодекс), умеющему «читать» ГК РФ и понимающему, что нормы об обязательствах – это еще и институциональный элемент ГК РФ, представленный нормами раздела III и IV, в каждом из которых есть собственное деление на главы, наполненные нормами, различающимися своим регулятивным и охранительным назначением.

Опыт наименования норм в практике гражданского законодательства начал складываться с момента принятия ГК РСФСР 1964 г. – с него началась практика снабжения статей Кодекса заголовками. По мнению цивилистических мэтров, это «облегчает отыскание нужной нормы и содействует ее правильному истолкованию» [14, с. 18]. Нельзя утверждать, что этот

опыт продолжителен во времени, а потому ошибки и неточности в наименовании норм могут встречаться. Настораживает другое. Позиционируя тезис о том, что названия норм составляют часть нормативного текста, никто не задумывается о том, по каким же правилам эти названия норм должны формулироваться. Не будем в этой связи в очередной раз сетовать на отсутствие в нашей стране такого закона, как закон «О нормативных актах», а обратимся к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов, принятым в 2003 г. В них речь идет только о наименовании законопроектов, упоминания о правилах наименования отдельных норм отсутствуют, что можно посчитать отсутствием этих правил.

Вопрос об оправданности / неоправданности допущенных законодателем смысловых модификаций как и вопрос о корректности восприятия ст. 317.1 ГК РФ пользователями и правоприменителями еще будет сохранять свою остроту, как бы напоминая законодателью и научному сообществу о том, что наименование нормы – вопрос далеко не второстепенный. Мы же зададимся вопросом о том, мог ли законодатель, имея намерение зафиксировать и легализовать столь значимую презумпцию о процентном характере денежного обязательства, сформулировать по-другому название данной нормы, не пересекаясь с семантической нагрузкой терминов и их сочетанием из ст. 395 ГК РФ.

Мог, если бы представители российской цивилистики смогли предложить ему теоретическую конструкцию новой правовой реалии с ее самостоятельным оттенком и собственным правовым весом, в которой были бы заложены необходимые смысловые разграничения с уже имеющимися нормами. В этом случае не помешал бы и экивок в сторону Запада. В Гражданском уложении Германии соответствующая норма (параграф 247), расположенная в части 1 кн. 2 «Обязательственное право» названа «Базисная процентная ставка»¹. Вопрос о разграничении сферы действия этой нормы с нормами об ответственности за нарушение обязательств не стоит. И дело не только в том, что в немецком позитивном праве фактически отсутствует понятие «нарушения обязательства» [33]. Вопрос скорее в понятности терминологического

¹ *Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению [Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz] / пер. с нем.; сост., введ. В. Бергманн; науч. ред. Т. Ф. Яковлева; 4-е изд., перераб. М., 2015. Норма принята в целях обеспечения реализации ст. 3 Директивы 2000/35 EG Европейского Парламента и Совета от 29 июня 2000 г. «О мерах по борьбе с задержками платежей в деловом обороте».*

also addressed by the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation by raising the issues of the system differentiation of norms contained in Articles 317.1 and 395 of the Civil Code of the Russian Federation in Plenum's Regulation No. 54. However, the Plenum's position looks more like an explanation than an interpretation of what the legislator wanted to say introducing Article 317.1 into the Civil Code of the Russian Federation. As was commented in the Regulation, in case of a delay in repaying the principal debt, there should be charged both the interest which is a fee for using the monetary funds (for example, the interest specified in Item 1 of Article 317.1, Articles 809, 823 of the Civil Code of the Russian Federation) and the interest which is a measure of the civil liability (for example, the interest specified in Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation). With this, according to Item 2 of Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the general rule does not allow for charging the interest (fixed by law or by contract terms, and serving as a fee for using monetary funds) on the interest of the previous period (compound interest), except for when obligations result from the bank deposit agreement or from agreement associated with performing entrepreneurial activities by the parties. However, if otherwise not stated by law or by contract terms, the creditor is entitled to demand paying a penalty or interest fixed in Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation, for a delay in paying the interest which is a fee for using monetary funds.

So, we have what we have. For understanding the meaning and the purpose of one norm, we need first to understand its legislative sense through opposing it to/ comparing it with another norm.

However, it would be more correct to properly title the norm than to subsequently remind a professional lawyer (for whom, as we believe, the Code is intended for), who is capable of “reading” the Civil Code of the Russian Federation and who understands that the norms on obligations are also an institutional element of the Civil Code of the Russian Federation represented by the norms of Sections III and IV, each of them consisting of Chapters comprising norms that are different in their regulatory and protective purpose.

The idea of giving titles to norms when developing civil law goes back to the moment of adopting the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1964. There, the practice of giving names to the articles of the code was introduced. According to the civil law experts, this “makes it easier to find the necessary norm and

promotes its correct interpretation” [14, p. 18]. It cannot be claimed that this experience is prolonged in time, and therefore mistakes and inaccuracies in the name of norms may occur. However, there is another thing that causes concern. When the thesis is presented that the names of the norms are a part of the regulative text, this thesis is not supplemented by the rules that are to be used for formulating these names. Within this context, let us hold ourselves from another complaint about the absence of law “On Normative Acts” in our country, but refer to the Methodical Recommendations on Juridical-Technical Formatting of Draft Laws, adopted in 2003. The only thing mentioned therein is the fact of naming the draft laws, there are no rules of naming individual norms, and this can be viewed as the absence of the rules.

The question of reasonableness / unreasonableness of the semantic modifications by the legislator and the question of the correct perception of Article 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation by the users and the law executors will remain critical, as if reminding the legislator and the scientific community that naming norms is far from being a minor issue. The question of interest for us is whether the legislator, having an intention to fix and legalize this important presumption on the percent nature of the monetary obligation, could have differently formulated the name of the norm, not copying the terms and their combinations of Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation.

The legislator could have done it, if the representatives of the Russian civil law science would have been able to propose him a theoretical construction of the new legal reality with an independent meaning and its own legal weight that would have included the necessary distinctions from the already existing norms. In this case, an equivoque to the West would be useful. In the German Civil Code, the corresponding norm (Paragraph 247) included into Part 1 of Volume 2 “Law of Obligations” is named “Basic Interest Rate”¹. There is no dispute about division of the spheres of influence of this norm and the norm covering the liability for “breach of an obligation”. It is not only the issue of absence of the “breach-of-an-obligation” notion in the German positive law [33]. It is rather the issue

¹ *German Civil Law: Introductory Law [Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz]. Transl. from German, comp. and introd. by V. Birgmann; science editor T. F. Yakovleva; 4th edition, revised M., 2015. The norm was adopted to provide the implementation of Article 3 of Directive 2000/35 EG of the European Parliament and Council of June 29, 2000 “On Combating Late Payment in Commercial Transactions”.*

наименования нормы, назначение которой имеет сугубо регулятивную направленность.

В связи со сказанным остается вспомнить актуальные слова В. П. Мозолина о том, что «юридическая наука должна идти впереди закона, а не вслед за ним, как это нередко случается в нашей повседневной жизни. Закон не может быть результатом проведения эксперимента по созданию новых норм права, необходимых обществу, а Федеральное Собрание Российской Федерации – своего рода юридической лаборатории по проведению указанных экспериментов» [19, с. 43].

Отсутствие доктринально-терминологической проработки отдельных конструкций обязательственного права способствует появлению норм искусственного характера. Наиболее наглядным примером таких норм в обязательственном праве служит ст. 308.1 ГК РФ «Защита прав кредитора по обязательству», не без усилий представителей цивилистики, получившая на французский манер название «астрент». Своей неопределенностью и неувязанностью с иными нормами и институтами норма вызвала повышенный интерес со стороны не только цивилистов, но и процессуалистов. Словно в подтверждение той истины, что в существующем виде конструкция астрента в российском законодательстве – это больше забава для науки, нежели в существующем виде забота правоприменителя, написано об астренте, в том числе и зарубежными авторами по поводу «русского астрента» [32]. Прозвучали и признания также со стороны самих разработчиков законопроекта о том, что они «по-видимому, имели в виду предусмотреть в российском законодательстве новый институт, позаимствованный из французского права и известный под названием «астрент», который широко применяется в практике французских судов» [13]. Примеры такого прошлого и весьма успешного заимствования части терминов из французского права России известны, в их числе термины «гарант» и «арбитраж». За давностью заимствования пришло понимание адекватности их юридического значения в обеих странах. Но вот норма об астренте пока «не пришлась». Поселившись вдруг в российском законодательстве со всеми своими темными пятнами, она живет, отвлекая значительные доктринальные ресурсы на ее толкование, критику и указания на откровенное и не в полной мере продуманное заимствование из практики романского законодательства, не до конца соотносимого с российским из-за особенностей своего институционального построения.

Отсутствие самостоятельного научного внимания к вопросам производства новых

гражданско-правовых понятий и терминов, их отражающих, а также к проблемам научной и законодательной номинации опасно созданием ситуации дефицита юридических понятий и появления необоснованных синонимов. Тяжесть эффекта выражается в притуплении ясности гражданско-правового языка и правил пользования им.

Остается лишь сожалеть, что разработчики Концепции развития гражданского законодательства не учли этот пусть и технический, но, бесспорно, актуальный вопрос, имеющий непосредственное отношение к проблемам совершенствования гражданского законодательства. Не стоит забывать простую истину о том, что эффективное исполнение законов в существенной степени зависит от того, насколько грамотно, доступно и объективно сформулирован законодательный текст и в какой мере юридические термины, задействованные в нем, отражают законодательный замысел.

В условиях дифференцированной правовой системы весьма актуальным является вопрос об однозначности восприятия и истолкования правовой терминологии. От этого, как минимум, зависит точность восприятия соответствующих юридических реалий. При этом речь идет не только об общеправовой терминологии, системно объединяющей термины, так или иначе функционирующие во всех отраслях законодательства, но и терминологии отраслевой. Отличительной чертой последней является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений. В нашем случае терминологии гражданско-правовой.

Развитие современной юриспруденции стали сопровождать терминологические раздоры, связанные с копированием / заимствованием терминов, считавшихся для гражданского права исконно отраслевыми. Так, типологическая несовместимость таких разновидностей правовой реальности, как гражданско-правовая и налоговая, не исключила отраслевую раздвоенность термина «обязательства». Термин получил распространение не только в лексике научного стиля публично-правовой отрасли, но и в законодательстве. В ст. 6 Бюджетного кодекса РФ дано определение бюджетного обязательства как обязательства расходного, подлежащего исполнению в соответствующем финансовом году. Попытки использования термина «обязательство» предпринимались и в проекте Налогового кодекса РФ – один из его первоначальных проектов содержал специальную главу «Налоговое обязательство и его исполнение».

of clearness of the terminological name of the norm with a purely regulatory purpose.

With regard to the mentioned above, it is necessary to recall the presently topical words of V. P. Mozolin that “the juridical science must be ahead of the law and not drag behind it, what is not uncommon in our everyday life. A law cannot be the result of an experiment on creating new legal norms needed by the society, and the Federal Assembly of the Russian Federation cannot be a kind of juridical laboratory on performing the above experiments” [19, p. 43].

The absence of the doctrinal terminological study of the individual constructions of the law of obligations encourages introducing the norms which are artificial in their nature. The most vivid example of such norms in the law of obligations is Article 308.1 “Protection of the Creditor’s Rights on Obligation” of the Civil Code of the Russian Federation. Not without contribution of the civil law science representatives, the article received the name “astreinte” in a French-like manner. The article attracted interest of not only the civil law scientists but of the procedural specialists, due to its indefiniteness and absence of correlation with other norms and institutions. The *astreinte* is described by both domestic and foreign authors (the latter describe it as the “Russian *astreinte*”), as if in support of the idea that the existing construction of the *astreinte* in the Russian legislation is rather an entertainment for the science than a concern for the legislator [32]. The developers of the draft law also confessed that they “seem to intend to introduce a new institution into the Russian legislation, borrowed from the French law and known under the name of “*astreinte*” which is widely used in the French courts practice” [13]. The examples of the previous and rather successful borrowings of some terms from the French law are well-known in Russia, including the “*guarantor*” and “*arbitrage*” terms. As they were borrowed long ago, the adequacy of their juridical meaning has been accepted in both the countries. However, the *astreinte* norm “has not fitted”. Having suddenly appeared in the Russian legislation with all its indefinitenesses, it continues to live, while absorbing significant doctrinal resources for its interpreting, criticism and explanations of the straightforward and ill-considered borrowing from the Roman legislation practice, which does not fully comply with the Russian one because of its specific institutional architecture.

The absence of the separate scientific attention to the issues of developing new civil law notions

and terms that reflect them, as well as to the problems of scientific and legislative nomination, brings in the risk of facing the situation of juridical notions deficit and unreasonable synonyms. The seriousness of the effect is expressed in loss of the clearness of the civil law language and the rules of its application.

Unfortunately, the authors of the Concept of the Civil Legislation Development did not take into account this although technical but surely relevant issue directly related to the problems of the civil legislation improvement. It is necessary to remember the simple truth that the effective execution of laws largely depends on the skilful, understandable and objective wording of the legislative text and the way that the juridical terms included therein express the legislators’ ideas.

In the conditions of the differentiated legal system, the issue of uniqueness of the legal terminology perception and interpretation remains relevant. At least the accuracy of the corresponding legal realities perception depends on it. At the same time, here is meant not only the general legal terminology that systematically unites terms in this or that way functioning in all the legislative branches, but also the branch-specific terminology. The specific feature of the latter is that it is based on the subjective logical connections and relations of the corresponding notions reflecting the specific nature of the definite legal relations sphere. In the case under consideration it is the civil law terminology.

The development of modern jurisprudence turned to be accompanied by terminological disputes associated with copying/ borrowing of the terms which were considered to be truly branch-specific for the civil law. For example, typological incompatibility of such types of legal reality as the civil law one and the tax one did not eliminate the branch duality of term “obligation”. The term got widespread not only in the vocabulary of the scientific style of the public legal sphere, but in the legislation as well. Article 6 of the Budget Code of the Russian Federation defines a budget obligation as an expense obligation which is subject to fulfillment in the corresponding financial year. The attempts to use the term “obligation” were made also in the Tax Code of the Russian Federation draft; one of its original drafts contained special chapter “Tax Obligation and Its Fulfillment”.

Однако в силу того, что законодатель в итоге пошел по пути концепции налоговой обязанности, в окончательной редакции НК РФ этой главы не оказалось. Как отмечают представители науки финансового права, «принципиальное отличие между концепциями налоговая обязанность и налоговое обязательство заключается в том, что во втором случае государство и налогоплательщики имеют права и обязанности, связанные с реализацией налогоплательщиками обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов» [1, с. 3]. Соблюдение чистоты заданной концепции предполагает соблюдение логики понятийно-терминологического ряда, развивающего концепцию налоговой обязанности. Ведь вполне обоснованно считать, что подобная концепция задает и соответствующую ей систему понятий, которые использует законодатель, что является отнюдь не факультативным условием для построения терминологического аппарата любой отрасли.

Но так случилось, что ситуация межотраслевого параллелизма, связанная с термином «обязательство», все-таки возникла, породив некоторые противоречия в отношениях между представителями финансово-правовой-правовой науки и цивилистики. Отраслевых аргументов с той и с другой стороны высказано немало, они разные. Логически допустимые границы цитирования не позволяют привести в данной статье все точки зрения по этому вопросу, а потому кратко обозначим ситуацию наличного противостояния по вопросу о том, насколько правомерно представители финансового права используют «инструментарий обязательственного права, созданного для нужд гражданского оборота» [24; 25]. Финансисты открыто упрекают цивилистов в идиосинкразии [26], со ссылкой на утверждение о том, что «многие финансовые отношения, связанные с государственными доходами, протекают в таком правовом режиме, который практически не отличается от правового режима существования гражданских обязательств» [27]. Цивилисты же, используя принципы частного права, а также убедительную историческую, методическую, предметную, а потому во многом универсальную аргументацию, стремятся отстоять отраслевую чистоту термина «обязательства».

Наиболее свежие сведения об этой дискуссии и консолидированном взгляде представителей науки финансового права на правомерность употребления термина «финансовое (налоговое, бюджетное) обязательство можно почерпнуть из диссертации А. С. Барина «Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации» (2017 г.). Данная диссертация,

с одной стороны, служит наглядным напоминанием того, что отраслевые терминологические системы давно нуждаются в самостоятельном доктринальном внимании. С другой стороны, нельзя не заметить, что научная позиция автора диссертации является неформальным подтверждением того, что дефицит взаимопонимания между представителями финансово-правовой и цивилистической наук может длиться неопределенно долгое время, если не бесконечное.

Во избежание таких последствий и в целях получения объективного ответа на вопрос о том, как квалифицировать подобную ситуацию межотраслевой подвижности столь значимого и во многом определяющего нормативный облик гражданского права термина «обязательство», необходимо привлечь также аргументы представителей терминологической науки (терминоведения). С позиций этой науки факт проникновения в финансово-правовой язык термина «обязательство» еще не подвергался исследованию и анализу.

Терминологическое словообразование, тем более в такой области, как право, процесс далеко не стихийный. А потому для начала надлежит понять, по какому алгоритму понятие «финансовое обязательство» образовано в соответствующей области науки и законодательства. Идет ли речь о таких способах образования термина, как заимствование, простой терминологизации слов общеупотребительного языка, вторичной терминологизации, ретерминологизации, транстерминологизации, или же в условиях неуклонно актуализирующихся утверждений о необходимом межотраслевом взаимодействии мы наблюдаем процессы терминологической миграции. Все эти явления в современном терминоведении нашли свои достаточные описания, опираясь на которые вполне можно достигнуть понимания происходящих процессов.

Если принять за основу утверждение терминоведов о том, что заимствование в его собственном значении – это источник пополнения терминологии, спровоцированный переводом иноязычного термина, то, несмотря на то, что чаще использование термина «обязательство» в финансовом праве воспринимается через заимствование из права гражданского, заимствование в данном случае не предполагается. Исключено также и явление транстерминологизации, под которым понимается перенос термина из одной терминологической системы в другую, сопровождающийся различного рода его семантическими изменениями [22, с. 7].

Для гражданского права категория «обязательство» глубоко сущностная и высокозначимая. Однако необходимо следующее уточнение.

However, as the legislator finally chose the way of the tax obligation concept, there appeared to be no suchlike chapter in the final version of the Tax Code of the Russian Federation. The representatives of the finance law science note that “the principal difference between the concept of the tax duty and the concept of tax obligation is that with the second one, the state and the tax payers have rights and duties related to the realization of the tax payers’ obligation to pay legitimately established taxes and fees” [1, p. 3]. To preserve the purity of the defined concept it is necessary to adhere to the logics of the terminological concepts and definitions that develop the tax obligation concept. It is quite reasonable to think that such concept maintains the corresponding system of notions used by the legislator. And this is far from being an optional condition for building the terminological apparatus of any branch.

However, it happened so that the situation of the inter-branch parallelism associated with term “obligation” has finally occurred, having generated some contradictions in the relations of the financial legal science representatives and the civil science representatives. There are many branch-specific arguments from both sides, and they all are different. The logically permissible limits of citing do not allow us to present all the view points on this issue, and so let us shortly introduce the present situation on the confrontation regarding the issue on whether the representatives of the financial law legitimately use “the instruments of the law of obligations developed for the needs of civil turnover” [24; 25]. The financial law experts openly fault the civil law experts for idiosyncrasy [26], with reference to the statement that “many financial relations associated with the income of the state, take place in such a legal regime which practically does not differ from the legal regime of the civil obligations existence” [27], while the civil law scientists - using the principles of the private law and convincing historical, methodical, thematic argumentation (which is largely universal) – try to defend the branch purity of the term “obligation”.

The most recent information on that discussion and the consolidated view of the representatives of the financial law science on the legitimacy of using term “financial (tax, budget) obligation”, is presented in thesis research by A. S. Barinov “Institution of Tax Obligations in Tax Law of the Russian Federation” (2017). This thesis research,

on the one hand, vividly reminds that the branch-specific terminological institutions for a long time have been requiring a separate doctrinal attention. On the other hand, it cannot go unnoticed that the scientific position of the author is an informal confirmation that the deficit of understanding between the representatives of the financial law and civil sciences can last for an indeterminate amount of time if not forever.

To avoid such consequences and to obtain an unbiased answer to the question of qualifying this situation of inter-branch mobility of term “obligation” (so meaningful and largely determining the normative look of the civil law), it is also necessary to involve the arguments of the representatives of the terminological science (terminology studies). From the position of this science the fact of the term “obligation” penetration into the financial law language has not yet been researched and analyzed.

Terminological word formation, especially in such a sphere as law, is far from being an uncontrolled process. Therefore, first of all it is necessary to understand which algorithm is used for the formation of the “financial obligation” concept in the corresponding sphere of science and legislation. Whether such ways of formation are meant as borrowing, simple terminologization of words from the commonly used language, secondary terminologization, re-terminologization, trans-terminologization, or whether we observe the processes of terminological migration in the conditions of constantly actualizing statements about the necessity of the inter-branch migration. All these phenomena are properly described in the modern terminology studies; on the basis of some of them, it is quite possible to understand the undergoing processes.

If we proceed from the statement of the terminology theorists that the borrowing process in its own meaning is a source of the terminology replenishment, initiated by the translation of a foreign term, then in spite of the fact that the use of the “obligation” term in the financial law is perceived as if it were borrowed from the civil law, the borrowing is not suggested in this case. The trans-terminologization is also rejected, which is understood as a transfer of the term from one terminological system to another accompanied by different semantic changes of the term [22, p. 7].

The “obligation” category is fundamentally essential and highly significant for civil law. However, the following clarification is needed.

Сущностным понятием для гражданского права является не само понятие «обязательство», а «гражданско-правовое обязательство», за которым стоит соответствующее научное и юридическое явление, выраженное в необходимом правовом понятии. Без прилагательного «гражданско-правовое» обязательство утрачивает свое сугубо специфическое отраслевое значение, становясь больше общеупотребительным словом, нежели специальным термином. Как известно, слово, в отличие от термина, выполняет номинативную или дефинитивную функцию. Логически точно определяют соответствующее понятие только специальные термины. Таким специальным термином является термин «гражданско-правовое обязательство». В финансово-правовой науке используется другой термин – «налоговое (финансовое, бюджетное) обязательство». Поэтому нет оснований рассуждать и о ретерминологизации, представляющей собой процесс переноса готового термина из одной дисциплины в другую с его полным или частичным переосмыслением [3, с. 508; 28].

Если посмотреть на ситуацию объективно, то нетрудно увидеть, что за термином «финансовое обязательство» стоит собственное правовое понятие, над которым активно трудятся представители этой науки, стремясь наполнить его собственными правовыми сущностями и информационным содержанием [12]. Используя данный термин, они употребляют его не в абстрактном «общенаучном», а в совершенно конкретном узкоспециальном значении, в приложении к предмету собственной научной и законодательной деятельности, обеспечивая ему в лингвистическом плане собственные системные связи. Ведь известно, что всякий термин имеет смысл в том случае, если он является членом определенной терминологической системы. Как гласит терминологическая наука, в пределах данной системы термин должен иметь свое строго определенное место, в зависимости от места обозначаемого им понятия в системе понятий. Входящие в данную систему термины должны своей мотивированностью отражать объективные связи между соответствующими понятиями. В этом и заключается интеллектуальная чистота термина. Задача ее достижения – это работа не цивилистов, а представителей финансово-правовой науки, уже имеющей определенный научный задел по данному вопросу.

Однако, в поисках и обоснованиях собственных признаков финансового обязательства не следует относить к числу основополагающих, а порой единственных, аргументы о межотраслевом характере термина «обязательства» (А. И. Худяков, Г. М. Бродский), объединяющем

частноправовые и публично-правовые конструкции денежных обязательств (О. В. Омелихина), а также об общей юридической природе гражданско-правового и финансово-правового обязательства (А. Т. Шаукунов). А претендуя на существование финансового обязательства как самостоятельного правового явления, способного быть заключенным в собственную правовую конструкцию, «отключить» в публично-правовых исследованиях, посвященных финансовому обязательству, частноправовой алгоритм, используемый всякий раз где гласно, а где негласно в процессе его научного препарирования.

Проблемы исполнения обязательств внесением долга в депозит

Исполнение обязательства с использованием нотариального депозита в литературе принято именовать «суррогатным» (С. В. Сарбаш), специальным (В. Д. Завидов), вспомогательным (Е. Г. Комиссарова) способом исполнения, подчеркивая неклассический алгоритм его исполнения, что не сказывается на виде правовых последствий. Как установлено п. 2 ст. 327 ГК РФ и отмечено в Постановлении Пленума ВС РФ № 54, «согласно пункту 2 статьи 327 ГК РФ внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариуса или суда считается исполнением обязательства, о чем нотариус или суд, в депозит которого внесены деньги или ценные бумаги, извещает кредитора» (п. 55). Как до реформы, так и сейчас указание на то, что такое исполнение может быть в случаях, «установленных законом», означает сборность законных оснований, которые не ограничены только нормами ГК РФ (ст. 60, п. 6 ст. 720, ст. 738 ГК РФ), но предусмотрены также в иных федеральных законах, в числе которых Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Пунктом 5 данного Закона установлено, что внесение долга в депозит является не только правом, но и обязанностью должника), Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (п. 7 ст. 84.8), Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 2 ст. 142, п. 5 ст. 185.6) и др.

Норма имеет свою достаточно простую историю, поскольку как ранее, так и сейчас научное внимание привлекала и привлекает мало. Так, ст. 114 ГК РСФСР 1922 г., предусматривающая право должника на исполнение через депозит, имела следующую нехитрую редакцию: «В случае отсутствия кредитора, уклонения его от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны, а также его недееспособности, при отсутствии представителя, уполномоченного и

The notion essential for civil law is not the notion of the “obligation” itself but the “civil law obligation”, covering the corresponding scientific and juridical phenomenon expressed in the necessary legal notion. Without the “civil law” part, the “obligation” loses its strictly special branch-specific meaning, becoming more a generally used word than a special term. As known, apart from a term, a word is performing a nominative or a defining function. Only special terms logically and precisely define the corresponding notion. The “civil law obligation” is a special term of the kind. The financial law science uses another term of “tax (financial, budget) obligation”. This is why there also are no grounds to suspect re-terminologization, which is a process of transferring a ready-made term from one discipline to another with its full or partial reinterpretation [3, p. 508; 28].

If we look objectively at the situation, it is easy to see that the term “financial obligation” stands for a specific scientific notion which is actively developed by the representatives of this science, who try to fill it with specific legal essences and information contents [12]. They use this term not in the abstract “general scientific” meaning, but in a completely different narrow meaning, with regard to the subject of their own scientific and legislative activities and providing it with own system relations when it comes to linguistics. It is known that every term has a meaning in case it is a member of a definite terminological system. As the terminology science has it, a term should have its own strictly defined place within the limits of that system, depending on the place occupied by the notion which is defined by this term in the system of notions. The terms included into this system should by their motivation reflect the objective links between the relevant notions. Therein lays the intellectual purity of the term. The task of reaching it is not for the civil law theorists but for the representatives of financial law, which already has some scientific groundwork on this issue.

While searching for and justifying the features inherent in the financial obligation, one should not regard as fundamental or even unique the arguments about the inter-branch character of the “obligation” term (A. I. Khudyakov, G. M. Brodskiy) that unites the private law and public law constructions of monetary obligations (O. V. Omelikhina), and about the universal juridical nature of the civil law obligation and the financial law obligation (A. T. Shaukenov). If we assume that the financial obligation exists as an independent legal phenome-

non which can be incorporated into its own legal construction, one should “switch off” the private law algorithm in the public law studies devoted to the finance obligations, as the mechanism which is consistently used openly or secretly in the process of the scientific dissection of the obligation.

Problems of Fulfilling the Obligation through Depositing the Debt

In literature, fulfillment of the obligation with the use of the notarial deposit is considered to be a “surrogate” (S. V. Sarbash), special (V. D. Zavidov), auxiliary (E. G. Komissarova) method of fulfillment. This definition emphasizes the non-classic algorithm of its performance, which, however, does not influence the type of legal consequences. As established by Item 2 of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation and mentioned in Regulation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54, “in accordance with Item 2 of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation, placing an amount of money or securities on the notary’s or the court’s deposit shall be deemed as the fulfillment of the obligation, and the notary or the court that have received the deposit shall notify the creditor thereof” (Item 55). Prior to the reform, as well as currently, the statement that such fulfillment is possible in cases “established by law” means a cluster of the legitimate grounds which are not only enclosed in norms of the Civil Code of the Russian Federation (Article 60, Item 6 of Article 720, Article 738 of the Civil Code of the Russian Federation), but are also provided for in other federal laws, including Federal Law No. 102-FZ “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” of July 16, 1998 (Item 5 of this law establishes that depositing the debt is not only the right but also the duty of the debtor); Federal Law No. 208-FZ “on Joint-Stock Companies” of December 26, 1995 (Item 7 of Article 84.8), Federal Law No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” of October 26, 2002 (Item 2 of Article 142, Item 5 of Article 185.6) and others.

The norm has its own rather simple history, as it has attracted and continues to attract little scientific attention. For example, Article 114 of the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1922, which provided for the debtor’s right to fulfill an obligation through a deposit, had the following uncomplicated wording: “In the absence of the creditor, or in case the creditor avoids to accept the fulfillment or in case of other delay on his part, and in case the creditor is incapacitated and there is no authorized representative who agrees

согласного принять исполнение, должник может внести причитающееся с него в депозит суда, о чем суд извещает кредитора повесткой или публикацией». Примечание к норме гласило, что порядок внесения в депозит суда определяется особым положением. Эта неизбежная и необходимая «раздвоенность» нормы о депозитном исполнении и в дальнейшей истории будет серьезно отражаться на качестве и юридико-технической характеристике последующих чуть более современных норм.

Статья 185 ГК РСФСР 1964 г.¹, регулирующая порядок исполнения не через депозит суда, а через депозит нотариуса, мало отличалась от предыдущей редакции ГК РСФСР. Кроме замены судебного депозита на нотариальный, новшество данной нормы состояло еще и в том, что было императивно установлено правило, согласно которому «внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариальной конторы считается исполнением обязательства». Практически в неизменном виде данная норма перешла в первую редакцию ст. 327 ГК РФ 1994 г. До реформы она выглядела бедной и упрощенной, несла на себе множественные проблемы, будучи не сильно похожей на гражданско-правовую. Правореализационные возможности нормы также были не слишком высокими, а ее правоприменение не отличалось высоким качеством. Во многом сказывались недоработки со стороны нотариального законодательства по вопросам депозитарного исполнения из-за его многочисленных пробелов.

В настоящее время ситуация начинает меняться. Не последнюю роль в этом процессе сыграли изменения, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», значительно усилившие нотариальные перспективы в этом вопросе². Как показывает анализ имеющейся судебной практики, юридический материал для которой поставили многочисленные факты дебиторской задолженности заемщиков, а также ситуации с закрытием сразу нескольких банков, практически обыденным стало то положение, когда суды в мотивировочных частях судебных актов прямо указывают на ст. 327 ГК РФ о праве должника произвести исполнение через depo-

зит. Речь идет о случаях, когда должник при неисполнении, например, кредитного договора ссылается на трудности, связанные с неопределенностью кредитора (при отзыве лицензии у кредитной организации) или его неизвестностью при процедурах банкротства банка.

Сама статья 327 ГК РФ, пожалуй, впервые за всю историю своего существования, обрела серьезные дополнения. Правила данной нормы об исполнении обязательства через депозит распространены на нотариат и суд. Разница лишь в том, что для исполнения через нотариат (при отсутствии соглашения между сторонами) необходим ряд условий (отсутствие кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; недееспособность кредитора и отсутствие у него представителя; неопределенность того, кто является кредитором по обязательству; уклонение кредитора или иная прострочка с его стороны), а для исполнения через депозит суда, кроме этих же условий, необходимо прямое указание закона.

Существенным новшеством, по сути своей отменяющим второстепенность такого способа исполнения, явилась возможность согласительного порядка исполнения обязательства через нотариальный депозит. Из текста нормы не следует, что аналогичное правило распространяется на судебный депозит. Пунктом 1.1. ст. 327 ГК РФ установлено, что соглашением между кредитором и должником может быть предусмотрена обязанность должника исполнить обязательство по передаче денег или ценных бумаг путем внесения долга в депозит нотариуса. Тем самым начиная с 1 июня 2015 г. реализация права на депозитное исполнение у нотариуса не ограничивается только усмотрением закона. Допущение согласительной модели в этот вид исполнения предполагает, что стороны не только вправе не подчиняться тому перечню случаев, которые допускают по закону исполнение через депозит, но и то, что они вправе согласовать момент внесения имущества в депозит (например, до государственной регистрации переходящего права собственности на недвижимость или после), место внесения имущества в депозит, порядок несения дополнительных расходов в связи с таким способом исполнения обязательств, обязанность должника немедленно уведомить кредитора о том, что обязательство исполнено через депозит. Кредитор и должник могут также исключить своим соглашением действие законодательных правил о праве должника «отозвать» имущество из депозита. Поскольку из п. 3 ст. 327 ГК РФ не следует иное, предполагается, что на данное соглашение

to accept the fulfillment, - the debtor is entitled to place the amount due and payable on the court's deposit, what the creditor is informed about by the court in a summon or a publication". In the note to the norm, it was explained that the order of placing the deposit is determined by a special provision. This inevitable and necessary "duality" of the norm covering the deposit fulfillment will in later history seriously influence the quality and juridical technical characteristic of the subsequent, a bit more advanced norms.

Article 185 of the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1964¹ that regulated the procedure for fulfillment with no use of the court's deposit but with the use of a notary's deposit, differed little from the previous version of the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic. Besides replacing the court's deposit with a notary one, the article introduced the novelty of the imperative rule according to which "placing monetary funds or securities on the deposit of the notary office is deemed as the fulfillment of the obligation." This norm practically unchanged was included into the first version of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation of 1994. Before the reform, it seemed poor and simplified, had a lot of gaps and did not look like a civil law norm. Neither the law enforcement opportunities of the norm were too high, nor its application was of a high quality. This was to a large extent due to the incompleteness of the notary legislation on the depositary fulfillment because of numerous gaps thereof.

The situation is currently changing. Not least is the role of the changes introduced by Federal Law No. 457-FZ "On Introducing Amendments into Individual Legislative Acts of the Russian Federation" of December 29, 2014, which significantly strengthened the notary perspectives on that matter². As is clear from the analysis of the current court practice which is based on the juridical material of numerous facts of indebtedness of the borrowers and of situations when several banks were closed, it is a common practice when the courts in the reasoning parts of their decisions directly refer to Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the debtor's right to

fulfil the obligation through depositing. It concerns the cases when, for example, a debtor, failing to perform a credit agreement, refers to difficulties in determining the creditor (for example, when a credit organization's license is withdrawn), or when it is not known who the creditor is in case of the bank's insolvency procedure.

Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation itself, perhaps for the first time over the history of its existence, acquired serious additions. The rules of the article about the fulfillment of the obligation through depositing the debt cover both the notaryship and the court. The only difference is that for fulfilling through the notary (in case there is no agreement between the parties) a number of conditions need to be followed (absence of the creditor or a person authorized for accepting the fulfillment of the obligation, in the place where the obligation is to be fulfilled; incapability of the creditor and absence of his/ her representative; uncertainty about who is the obligee; creditor's avoidance to accept the fulfillment or other delay of the creditor), and for fulfillment with the use of the court's deposit, the observation of these conditions needs to be supplemented with the explicit indication by law.

A significant novelty, essentially canceling the secondary nature of this type of fulfillment, was introduction of a possibility to have a conciliation procedure for the fulfillment of the obligation through the notary's deposit. The text of the norm does not assume that a similar norm applies to the court's deposit. Item 1.1 of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation runs that the agreement between the creditor and the debtor can provide for the duty of the debtor to transfer money or securities by placing the debt on the notary's deposit. Thus, starting from June 1, 2015, the implementation of the right to depositary fulfillment is not limited exclusively to the indication of the law. The admittance of the conciliative model into this type of fulfillment means that the parties are not only entitled not to obey the list of cases which by virtue of law allow for fulfillment through depositing but also that they have the right to agree on the time of placing the property on deposit (for example, before or after the state registration of the ownership rights), on the place of depositing the property, on the order of sharing additional expenses associated with such fulfillment of the obligation, on the duty of the debtor to immediately inform the creditor about the fulfillment of the obligation through depositing. The creditor and the debtor can also by their agreement exclude the legislative rules about the creditor's right "to recall" the property from the deposit. Since Item 3 of Article 327 does not provide

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

² Как сформулировано в Концепции проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности», «более широкое использование депозитов нотариуса – это одно из направлений эффективного использования потенциала нотариата для защиты прав и интересов участников гражданского оборота, обеспечения его стабильности и бесконфликтности». URL: <http://www.notiss.ru/usrimg/concept.pdf>.

¹ Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407.

² As formulated in the Concept of Draft Federal Law "On Notaryship and Notary Activities", "a more extensive use of deposits with notaries is one of the ways to effectively employ the potential of notaryship for protecting the rights and interests of the participants of civil turnover ensuring its stability and absence of conflicts". Available at: <http://www.notiss.ru/usrimg/concept.pdf>.

распространяется в полной мере принцип свободы договора.

Новшеством данной нормы стала возможность исполнения обязательства через депозит не только самим должником, но и за должника третьим лицом с соблюдением правил, установленных ГК РФ для должника (п. 4 ст. 313). Не менее значимой новеллой стала также известность субъекта правообладания имущества, переданного в депозит. Разъяснения по этому вопросу даны в Постановлении Пленума ВС РФ № 54 путем указания на то, что переданные в депозит нотариуса денежные средства и ценные бумаги считаются принадлежащими кредитору с момента получения им указанного имущества из депозита (п. 55). Поскольку нотариусу (или суду) они принадлежать не могут, эти субъекты лишь держатели исполненного, то правообладателем имущества до момента получения его кредитором является должник. Данное положение получило развитие в других нормах, регулирующих этот способ исполнения, в частности о праве должника забрать из депозита исполненное.

Однако ограниченность законодательного внимания в сторону депозитарных отношений все-таки просматривается. Есть и неоспорные моменты. Так, в судебной практике возникают непростые вопросы о порядке обращения взыскания на имущество должника, находящегося в депозите, в порядке исполнительного производства (апелляционное определение Свердловского областного суда от 6 декабря 2016 г. по делу № 33-19759/2016), о сроках исковой давности в случае предъявления должником требований о возврате депонированного имущества (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 апреля 2016 г. № Ф10-1070/2016 по делу № А35-7328/2015). Весьма неоспорным является вопрос о месте исполнения обязательства внесением долга в депозит, так как при таком способе исполнения обязательства далеко не все вопросы снимаются с помощью статьи 316 ГК РФ «Место исполнения обязательства». Однако самым неоднозначно принятым, в том числе и со стороны нотариального сообщества, оказался вопрос о праве должника обратиться с требованием о возврате исполненного.

Речь не о «задавненных» средствах, размещенных на депозитарном счете, и последующей их судьбе в случаях не востребоваваемости кредитором. Это весьма актуальный, но другой вопрос, связанный с судьбой «невостребованных» средств, который успешно разрешен, например, в Молдове, в законодательстве которой установлены сроки размещения средств на депозите и возможность признавать депозитное имуще-

ство бесхозяйным. В настоящей статье автор намерен исследовать проблему оснований возврата депозитных средств по требованию должника, если кредитор еще не воспользовался правом истребования из депозита, предназначенного ему в счет исполнения обязательства, имущества.

Как установлено п. 3 ст. 327 ГК РФ, «во всякое время до получения кредитором денег или ценных бумаг из депозита нотариуса или суда должник вправе потребовать возврата ему таких денег или ценных бумаг, а также дохода по ним». Достаточно двух условий: намерение должника и факт неполучения имущества кредитором. Перед нами тот случай, говоря словами И. А. Покровского, когда «норма дана нам, как действующий закон, как *lex lata*, непосредственная необходимость заставляет нас принять ее как нечто данное». Дальнейшее же развитие данного установления покажет практика правоприменения и правоприменения. Последняя в одном из своих актов обобщения уже затронула вопросы правовых последствий отзыва исполненного по желанию должника, указав в своем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», что при возвращении должнику денежных средств, внесенных в депозит, обязательство не считается исполненным, проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, подлежат начислению на сумму долга со дня возникновения просрочки, включая период нахождения денежных средств на депозите (п. 44).

Причин для научного анализа столь небесспорного законодательного решения о праве должника обернуть исполненное обязательство в другую сторону несколько. Одна из них – в «неожиданности» данного предписания, возникшего в проекте законодательных изменений «вдруг» на одном из последних чтений законопроекта. Вторая – в активном появлении сходных правовых институтов, обеспечивающих передачу имущества от одного лица к другому посредством чужих действий, свидетельствующих о «как бы исполнении» со стороны должника: номинальный счет, публичный депозитный счет, счет эскроу, договор условного депонирования (эскроу). Третья – в отсутствии видимого теоретического задела по проблеме, который сегодня ограничен весьма незначительным числом доктринальных публикаций [15; 16; 21].

Как отмечает Л. Ю. Михеева, сетуя на то, что вывод, сформулированный ею, является лишь единственно закономерным следствием из предпосылок, выявленных ранее, а не закрепленным в виде четкой формулы непосредствен-

otherwise, it is assumed that this agreement is totally covered by the principle of freedom of contract.

The novelty of this norm is in the opportunity to fulfill an obligation using deposit not only by the debtor himself but by a third party on behalf of the debtor with observation of rules set by the Civil Code of the Russian Federation for the debtor (Item 4 of Article 313). One more important novelty is the knownness of the subject in possession of the property placed on deposit. The explanations on that matter are given in the Regulation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 by indicating that money and items of value placed on the notary's deposit are considered belonging to the creditor from the moment when he receives this property from deposit (Item 55). As the notary (or the court) cannot be the owners of that property, these subjects are just the holders of the fulfilled obligation, then debtor possesses the ownership rights for the property until the moment when the creditor receives the property. This provision was developed in other norms that regulated the right of the debtor to take the fulfilled obligation from deposit.

However, the limited legislative attention to depositary relations can still be noticed. There are disputable moments. For example, the court practice often faces complicated issues of the order of the debtor's property seizure by way of enforcement proceedings (Appellate Decision of the Sverdlovsk Regional Court of December 6, 2016 in the case No. 33-19759/2016), or of the action limitation period in case the debtor claims for a return of the deposited property (Resolution of the Arbitration Court of the Central District of April 14, 2016 in the case No. F10-1070/2016, in the case No. A35-7328/2015). A rather disputable issue is about the place of fulfilling the obligation through depositing the debt, because with this way of fulfillment not every issue is regulated by Article 316 of the Civil Code of the Russian Federation "Place of Fulfillment of the Obligation". However, the most unclear issue (including for the notaryship community) is the issue about the right of the debtor to claim for the return of the fulfilled.

It is not about the "barred" money placed on a depositary account and its future in case the creditor does not accept it. This is although relevant but already successfully settled issue related to the fate of "unclaimed" money, for example in Moldova, where the legislation specifies deadlines for depositing money and the possibility to

recognize the deposited property as ownerless. In this article, the author is willing to research the reasons for returning the deposited property at the request of the debtor in case the creditor has not exercised his right to demand the deposited property which was meant for him as the fulfillment of the obligation.

As set by Item 3 of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation "at any time before the creditor receives money or securities from notary's or court's deposit, the debtor is entitled to demand money or securities and income from them to be returned to him". The two conditions are sufficient: the intention of the debtor and the fact of the property non-acceptance by the creditor. Here we have an example when, in the words of I. A. Pokrovsky, "this norm is given to us as a law in force, as a *lex lata*, and the direct necessity makes us accept it as something given". This statute further development will be seen from the practice of the law enforcement and law application. The latter has already touched upon the issues of the legal consequences of recalling property at the debtor's initiative, by mentioning in its Regulation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 "On Application by Courts of Individual Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations" of March 24, 2017, that "when the money earlier deposited is returned to the debtor, the obligation is not recognized as fulfilled and the interest is to be charged on the debt amount from the date when the delay began including the period of being deposited" (Item 44).

There are several reasons for this disputable legislative decision about the debtor's right to reverse the fulfilled obligation. One of them is in "suddenness" of this provision which unexpectedly appeared during the review of the draft law in its last reading. The second one is in an active introduction of similar legal institutions covering the transfer of property from one person to another through actions performed by a third party and proving a "kind of fulfillment" on behalf of the debtor, and in particular: the nominal account, the public depositary account, the escrow account, the contract of conditioned depositing (escrow). The third reason is in the absence of notable theoretical basis on this problem, which is today limited by an insignificant number of doctrinal publications [15, 16, 21].

L. Y. Mikheeva, while emphasizing that her conclusion is the only logical derivative from the earlier proposed presuppositions, but not a formula clearly fixed directly in law, notes that

но в законе, «любому лицу, изначально действовавшему в своем интересе (руководствовавшемуся желанием исполнить обязательство), не может быть отказано в праве впоследствии передумать» [18].

Как нам представляется, правильность / не-правильность состоявшегося законодательного решения надлежит оценивать с учетом двух моментов. Первый связан с подходом, которым руководствовался законодатель, – публичным или частным. Второй – с пониманием того, чьи интересы в большей мере отстаивает законодатель, формулируя правило о возможности истребовать должником исполненное.

Несмотря на то что гражданское право – это право частное, публично-правовой подход к созданию тех или иных норм не исключен. Наиболее характерными примерами публичного подхода в частном праве являются нормы о необходимости государственной регистрации перехода отдельных видов прав. Если предположить, что предпринят подход публичный, то в первую очередь всплывает небезызвестная римско-правовая сентенция о том, что договоры должны исполняться. В этом сегодня выгода как для самих контрагентов, так и для государства, заинтересованного в стабильности гражданского оборота, его предсказуемости. В таком случае не может быть иного решения законодателя, кроме того, которое допускает возврат исполненного в исключительных случаях только по соглашению с кредитором или по решению суда, сохраняя в качестве общего правило о бесповоротности исполнения обязательства. Соответственно, ни о каком законодательном поощрении ретроактивности должника по той причине, что кредитор не заявил об истребовании исполненного, речи идти не может.

Однако вдумчивый анализ содержания всей нормы, содержащейся в подразделе «Общие положения об обязательствах», включая возможность договорного согласования об исполнении обязательства через депозит нотариуса, свидетельствует о том, что законодатель все же руководствовался частноправовым подходом, защищая этой нормой интересы не кредитора и не гражданского оборота в целом, а в большей мере должника. Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 54, о том, что имущество, переданное в депозит, считается принадлежащим кредитору только с момента получения его кредитором, еще одно подтверждение тому. Несмотря на то, что по п. 2 ст. 327 ГК РФ обязательство в таком случае признается исполненным, правообладателем имущества, переданного в депозит, остается должник. А коль титул правообладателя остае-

ся за ним, то и право «обратной силы» также остается за должником. Пусть так. Но, принимая подобный законодательный подход, нельзя принять тот факт, что поворот исполнения по воле должника возможен всегда. Во-первых, сам должник по условиям соглашения о депозитном исполнении может отказаться от права истребовать исполненное. Во-вторых, могут возникнуть ситуации, когда необходимо защитить не только интересы самого должника, но и интересы его кредиторов. Например, в случае возбуждения против должника процесса несостоятельности.

К вопросу о выделении субсидиарных обязательств регулятивного свойства

Прагматичность и в то же время абстрактность норм обязательственного права, весьма востребованных в современном имущественном обороте, продолжает привлекать внимание доктрины также и с точки зрения их классификации в связи с выявлением их новых разновидностей. Так, в обновленных нормах, называющих виды гражданско-правовых обязательств, наряду с усовершенствованными правилами об альтернативных обязательствах, появились нормы об обязательствах факультативных (ст. 308.2 и ст. 320.1 ГК РФ), конструкция которых давно была известна доктрине и находила применение в судебной практике. В отличие от альтернативного обязательства, по которому должник обязан совершить одно из двух или более равноценных действий, в факультативном обязательстве предусмотрено одно действие по его исполнению (основное исполнение), но должнику предоставлено право заменить его другим исполнением, и если должник своим правом воспользуется, кредитор обязан принять это предложенное должником исполнение в качестве надлежащего исполнения факультативного обязательства.

Концепцией развития гражданского законодательства¹ в главу 21 ГК РФ также предлагалось включить нормы о натуральных обязательствах. Ее содержание должно было включать такие положения, как: а) натуральным признается обязательство, по которому требования кредитора не подлежат судебной защите; б) основания возникновения натуральных обязательств, а также условия и порядок отказа в судебной защите требований кредиторов по таким обязательствам определяются ГК и другими законами; в) в случаях, предусмотренных законом

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. сл. А. Л. Маковского. М.: Статут, 2009. С. 101.

“any person who originally acted in his own benefit (who was guided by a wish to fulfill an obligation) cannot be barred from his right to later change his mind” [18].

As we see it, the correctness/ incorrectness of the taken legislative decision should be evaluated with due account for two facts. The first one is associated with the approach which the legislator was guided by - whether it was a public or a private one. The second one is connected with the understanding of whose interests are more protected by the legislator when he formulates the rule about the possibility for the debtor to claim for the return of the fulfilled.

In spite of the fact that civil law is private law in its nature, the public law approach in developing this or that norm is not excluded. The most typical examples of the public approach in private law are the norms about the necessity of the state registration of transferring certain types of rights. If we assume that a public approach is used, then a known Roman legal *sententia* that the agreements are to be performed comes to mind. This is currently beneficial for both the contractual parties and the state which is interested in the stability of the civil turnover and its predictability. In this case, there can be no other decision of the legislator than the decision which provides for the return of the fulfilled in exceptional cases, only upon the consent of the creditor or by decision of a court, with regard to the general rule of the irrevocability of fulfillment of the obligation. Correspondingly, there can be no legislative support for the debtor's retroactivity resulting from the creditor's failure to claim for the return of the fulfilled.

However, a thorough analysis of the contents of the whole norm comprised in Section “General Provisions on Obligations”, including the possibility of the contractual agreement on the obligation fulfillment through the notary's deposit, shows that the legislator was driven by a private law approach, protecting not the creditor's interests and not the interests of the whole civil turnover, but mostly the interests of the debtor with this norm. One more confirmation of that is contained in the explanations given in the Regulation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54, which runs that the property placed on deposit is considered to be owned by the creditor from the moment when it is received by him. Notwithstanding that in accordance with Item 2 of Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation, the obligation in this case is recognized as the fulfilled, the

right of ownership for the deposited property still belongs to the debtor. And since the title of ownership is reserved by the debtor, the right for the “retroaction” is also kept by the debtor. Let it be so. But accepting such a legislative approach, it is impossible to agree with the fact that the fulfillment turnover at the creditor's will is always possible. First of all, according to the agreement on the depositary fulfillment of the obligation, the debtor himself can waive his right to claim for the return of the fulfilled. Secondly, there can be situations when it is necessary to protect not only the interests of the debtor but the interests of his creditors as well. For example, in case the insolvency procedure is initiated against the debtor.

On Distinguishing Subsidiary Obligations of Regulatory Nature

The pragmatism together with the abstractness of the obligation law norms (which are rather popular in the modern property turnover), continue to attract the attention of the doctrine with regard to their classification resulting from identifying new types thereof. For example, the renovated norms that have listed the types of the civil law obligations now also include the norms covering optional obligations (Articles 308.2 and 320.1 of the Civil Code of the Russian Federation), whose structure was well known to the doctrine and was earlier used in the court practice. Unlike the alternative obligation which obliges the debtor to perform one of two (or more) equivalent actions, the optional obligation provides for one action to be fulfilled (principal fulfillment), but the debtor is also entitled with the right to replace the fulfillment with another fulfillment; and if the debtor chooses the replacement, the creditor is to agree with this fulfillment proposed by the creditor as with the proper fulfillment of the optional obligation.

The Concept of the Civil Legislation Development¹ also suggested the inclusion of the natural obligations norms into Chapter 21 of the Civil Code of the Russian Federation. Its contents should have included such provisions as: a) the natural obligation is the obligation where the creditor's claims are not subject to judicial defense; b) the grounds for the commencement of a natural obligation, as well as the conditions and the order of rejecting a creditor's claim resulting from such an obligation, are defined in the Civil Code and other laws; c) in some cases provided for by the law

¹ Concept of the Civil Legislation Development in the Russian Federation / opening remarks by A. L. Makovskiy. M.: Statut, 2009, P. 101.

или договором, требованиям кредитора по натуральному обязательству может быть предоставлена судебная защита.

Такая разновидность обязательства признается доктриной за счет присутствия указания на натуральные обязательства как вид гражданско-правового обязательства и имеет применение в судебной практике. По сути именно в такое обязательство преобразуется всякое гражданско-правовое обязательство, по которому кредитором пропущен срок исковой давности для предъявления требования к должнику. Об этом свидетельствуют, в частности, действующие законоположения о том, что истечение срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ), а также о том, что должник, исполнивший обязанность по истечении срока давности, не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения он не знал об истечении давности (ст. 206 ГК РФ). Однако, в отличие от зарубежных законодательств, норма о натуральных обязательствах не получила своего закрепления в соответствующем подразделе ГК РФ.

Таким образом, текстуальный анализ гл. 21 ГК РФ в ее действующей редакции позволяет увидеть следующие «поименованные» законодателем виды гражданско-правовых обязательств: договорные, деликтные и обязательства из неосновательного обогащения; альтернативные и факкультативные обязательства. Все остальные поименованные обязательства, в зависимости от цели их возникновения, названы в специальных нормах ГК РФ о договорных обязательствах и обязательствах из односторонних действий.

В числе доктринальных пребывает сегодня такой вид обязательства, как обязательство субсидиарное. Их вычленение – итог понятийного анализа норм позитивного права, результатом которого стало появление теории регулятивных (неконфликтных) субсидиарных обязательств, потребность в возникновении которых возникает за пределами охранительного воздействия [20].

Как производное явление субсидиарная обязанность может возникнуть в виде дополнения к любому и всякому обязательству, если отсутствуют законодательные запреты. Так, субсидиарность не охранительного, а регулятивного свойства часто выручает в случае невозможности, нежелания исполнить обязательство основным должником.

По традиции нормативное выражение субсидиарности в гражданском праве (ст. 399 ГК РФ) связывается с охранительной природой.

Однако в науке все чаще поднимается вопрос о субсидиарных обязательствах регулятивного свойства. Основания для этого дают такие юридические конструкции, как: субсидиарные обязательства поручителей (ст. 363 ГК РФ); обязанности лиц, передавших обремененное рентой недвижимое имущество (п. 2 ст. 586 ГК РФ); обязанности учредителей доверительного управления имуществом (п. 3 ст. 1022 ГК РФ); обязанности пользователей по договорам коммерческой субконцессии (п. 4 ст. 1029 ГК РФ), обязанности правообладателей по договорам коммерческой концессии (ст. 1034 ГК РФ) и др. В итоге анализ современного законодательства позволяет отнести к разряду субсидиарных значительное число обязательственных отношений, основанных на договоре. Это приводит к тому, что логические параметры понятий «субсидиарное обязательство» и «субсидиарная ответственность», прежде аналогичных, перестают совпадать. Пока в науке не сформировано каких-либо однозначных научных суждений, которые бы обеспечили бесспорное теоретическое «отпочкование» субсидиарных обязательств от вопросов юридической ответственности по долгам и обязательствам.

Для целей академического подхода к вопросу надлежит разобраться в том, существуют ли на самом деле такие отношения, которые бы нуждались в таком правовом понятии, как регулятивные субсидиарные обязательства, т. е. обязательства, возникающие в силу закона или договора вне связи с гражданским правонарушением.

Как представляется, на сегодняшний день более корректно говорить не о регулятивном субсидиарном обязательстве как самостоятельном виде, а изначально о субсидиарности в целом. Тем более, что на уровне феноменологии достигнута достаточная ясность в понимании самого термина и его смысла. Однако этого недостаточно. Часть вопросов, необходимых для построения полноценной теории регулятивных субсидиарных обязательств, также нуждаются в научном внимании. В их числе недостаток правил о субсидиарности на уровне закона, перечень исключаящих случаев недопущения партнерской субсидиарности. Разрешение этих вопросов позволит подойти последовательно к поднятой проблеме.

Критериообразующим фактором может служить не столько то или иное обязательство, сколько специфическая обязанность должника, носящая в основе своей субсидиарный характер и которая во всех ситуациях без исключения носит производный характер от обязанности другого должника. В какой правовой форме происходит реализация этой субсидиарной обя-

or the contract, the creditor's claims resulting from a natural obligation, can be subjected to judicial defense.

The doctrine recognizes this type of obligation because such obligation is announced to be a kind of a civil law obligation. This type of obligation finds its application in the court practice. In fact, every civil law obligation where the creditor misses the limitation period for a claim against the debtor, transforms into this particular type of the obligation. In particular, this is proved by the current law which runs that the expiration of the limitation period which is claimed by a party to the dispute is a reason for the court to reject the claim (Item 2 of Article 199 of the Civil Code of the Russian Federation), and that the debtor who has executed the duty after the expiration of the limitation period, shall not have the right to claim for the return of the fulfilled, even if at the moment of the fulfillment he was not aware of the expiration of the limitation period (Article 206 of the Civil Code of the Russian Federation). By contrast with the foreign legislations, the natural obligation norm has not yet been fixed in the corresponding section of the Civil Code of the Russian Federation.

Thus, the textual analysis of Chapter 21 of the Civil Code of the Russian Federation in its current version allows us to see the following types of the civil law obligations “named” by the legislator: contractual, delictual, obligations resulting from unjust enrichment, alternative and optional obligations. All the rest named obligations, depending on their commencement purpose, are listed in special norms of the Civil Code of the Russian Federation covering contractual obligations and obligations resulting from unilateral actions.

Subsidiary obligations are currently also among the doctrinal obligations. They were singled out on the basis of the concept analysis of the positive law norms, which gave rise to the theory of regulatory (non-conflict) subsidiary obligations which are needed beyond the limits of protective effect [20].

As a derivative phenomenon, a subsidiary obligation can arise as complimentary to any and all obligations, should there be no legislative prohibitions. For example, it is the subsidiarity of a regulatory nature and not the subsidiarity of a protective nature that often helps in a situation when there is no possibility for fulfilling the obligation by the principal debtor or he is unwilling to fulfill it.

The normative presentation of the subsidiarity in the civil law (Article 399 of the Civil Code of the

Russian Federation) is traditionally associated with the protective nature. However, the question of subsidiary obligation having a regulatory character is raised in science more and more often. The following juridical constructions give grounds for that: subsidiary obligations of sureties (Article 363 of the Civil Code of the Russian Federation); obligations of persons who alienated property on rent disbursement (Item 2 of Article 586 of the Civil Code of the Russian Federation); the liability of the trust administrators (Item 3 of Article 1022 of the Civil Code of the Russian Federation); the obligations of users under commercial subconcession contracts (Item 4 of Article 1029 of the Civil Code of the Russian Federation); the right holder's liability under the contract of the commercial concession (Article 1034 of the Civil Code of the Russian Federation) and others. As a result, the analysis of the modern legislation allows for treating as subsidiary a substantial amount of the relations in obligation based on a contract. This leads to a situation when the logical parameters of the “subsidiary obligation” and “subsidiary liability”, although earlier similar, lose their conformity. So far, there are no explicit scientific concepts that would provided indisputable theoretical “detaching” of subsidiary obligations from the sphere of the juridical liability for debts and obligations.

Based on the academic approach, it is necessary to clarify whether there really exist such relations that would require such a legal notion as regulatory subsidiary obligations, i.e. the obligations that occur by virtue of law or the contract and independently of the civil offence.

It appears that today it would be more correct to speak not about the regulatory subsidiary obligation as an independent kind of an obligation, but about the subsidiarity in general. Especially since a sufficient clarity is reached in understanding the term and its sense. However this is not enough. A number of issues required for building a full-fledged theory of regulatory subsidiary obligations, also need scientific attention. They include: lack of rules on subsidiarity set by law, a list of cases when partners' subsidiarity is not allowed. Resolving these issues will allow one to sequentially approach the problem in question.

The criteria-forming factor is rather not this or that obligation but the specific liability of the debtor, which is subsidiary in its nature and is always a derivative from the liability of another debtor. The legal form of this subsidiary obligation realization

занности, не столь важно. Важнее сформулировать юридические признаки субсидиарной обязанности и требования к носителю такой обязанности. Тогда появится четкий юридико-технический критерий, который без нарушения формулы обязательства «как поведения двух лиц» позволит сконцентрировать научное внимание на правовых основаниях привлечения субсидиарного должника в обязательство, а также на тех исключениях, которые позволят увидеть, кто и при каких условиях не вправе быть субсидиарным должником. Эта теория может оказаться тем вспомогательным механизмом, который будет обслуживать как оворные, так и внедоговорные обязательства.

Весьма интересные доктринальные, а впоследствии и законодательные находки, могут быть обнаружены в вопросе о групповом юридическом «портрете» субсидиарного должника, включая определенность о том, кто не может выступать на стороне субсидиарного должника.

Вряд ли следует отрицать тот факт, что регулятивные субсидиарные обязательства фактически существуют. Однако сегодня их можно считать лишь социальным фактом и, как представляется, пока не спешить сдвинуть законодателя с той классической, но оправданно консервативной точки зрения, которая издавна используется им при систематизации уже известных обязательств. А пока же важнее сформулировать типические черты субсидиарного должника и тех субсидиарных обязанностей, которые он несет.

Исполнение обязательства третьим лицом

Известно, что римляне называли обязательство «юридическими оковами», а в русском языке оно произошло от слова «обязь». В отличие от римлян современный законодатель точно определяет, кто и кого, на каких условиях «обязывает», поскольку сегодня обязательство существует в рамках правоотношения.

На то, что обязательство – это именно правоотношение, указывал основоположник российской цивилистики Д. И. Мейер, одним из первых предложивший доктринальное определение обязательства [17, с. 123]. Научные последователи Д. И. Мейера, не отрываясь от римских представлений о обязательствах, приложили немало усилий, формулируя признаки обязательственного правоотношения. В итоге наука смогла отшлифовать тот главный признак, который позволяет отличить обязательство от всех иных видов имущественных отношений, образующих предмет гражданско-правового регулирования – характер межсубъектной связи лиц в обязательстве. Этими лицами в обязательстве

могут быть только кредитор и должник. Появление с развитием имущественного оборота многообразия таких конструкций, как представительство, цессия и делегация, возложение исполнения на другое лицо, выгодоприобретатель, различные виды посредничества не поколебали характера межсубъектной связи в обязательстве. Ее элементарную основу как ранее, так и сейчас образует юридическая зависимость двух лиц – должника и кредитора, между которыми стоит связывающее их действие. Аналогичный подход применительно к договорам о недопустимости вмешательства в договорные отношения предпринят и в странах общего права [31].

В силу относительности обязательственного правоотношения в нем могут участвовать лишь две этих стороны. Однако нельзя исключить, что содержание, сущность и условия осуществления их обязательственных прав и обязанностей могут быть поставлены в зависимость от действий иных (других) лиц, именуемых третьими.

Обязательственная лексика по поводу третьих лиц выглядит сегодня достаточно пестро. Их называют иным лицом в обязательстве; дополнительным субъектом обязательства; лицом, которое связано обязательственной нитью. Все эти определения нельзя считать юридически точными. Свидетельством того является эволюция взглядов на обязательство и его субъектов, связанная не с увеличением субъектов в обязательстве, а с его усложнением за счет увеличения числа лиц на стороне кредитора и (или) должника.

Как отмечено в литературе, основанием для разграничения сторон обязательства и третьих лиц является их принадлежность к отношению, принятому за исходное [23]. Третье лицо – это лицо за пределами двух лиц и их отношений, отсюда оно и третье. Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (третьих лиц). Так закреплено в п. 3 ст. 308 ГК РФ, который вполне мог бы служить основой для точной координации законодательных понятий «обязательство» и «другие лица». Но не служит. Как справедливо отмечено в литературе, «такое определение третьих лиц для цели обязательственного права не привнесет ясности в разграничение таких понятий, как “третье лицо”, “другое лицо”, “неопределенный круг лиц”» [27, с. 208].

Анализ монографической литературы последнего десятилетия показывает, что полной доктринальной ясности по понятию «третье лицо», широко используемому при конструировании понятий, связанных как с абсолютными, так и относительными отношениями, нет. Обычно

is not so important. It is more important to formulate the juridical features of the subsidiary obligation and the requirements for the bearer of such obligations. Then we would have a precise juridical-technical criterion which, without upsetting the formula of obligation as “two persons’ behavior”, will allow for focusing the scientific attention on the legal grounds for bringing a subsidiary debtor into an obligation, and also on the exceptions which will allow seeing who and when is not entitled to be a subsidiary debtor. This theory could be an auxiliary mechanism that would maintain both contractual and non-contractual obligations.

Rather interesting doctrinal (and subsequently – legislative) findings can be met in terms of a group juridical “portrait” of a subsidiary debtor, including the clearness about who cannot be a subsidiary debtor.

It is hardly reasonable to deny the fact that regulatory subsidiary obligations do exist. However, as of today, they can be viewed just as a social factor, and seemingly one should not rush to make the legislator change his classic but reasonably conservative point of view which was adopted long ago by him for systematizing the already identified obligations. So far, it is more important to formulate the typical features of a subsidiary debtor and subsidiary obligations that he bears.

Fulfillment of the Obligation by a Third Party

It is known that the Romans called the obligation “juridical fetters”, and in the Russian language the term “obyazatelstvo” (“obligation”) originated from “obyaz”. By contrast to the Romans, the modern legislator precisely defines who “obliges” whom and on what conditions, as the obligation nowadays exists as part of the legal relation.

The founder of the Russian civil science D. I. Meyer emphasized that an obligation is a legal relation. He was one of the first to propose the doctrinal definition of the obligation [17, p. 123]. The scientific successors of D. I. Meyer, following the Romans’ views on obligations, made great efforts to formulate the features of the legal relation in obligation. As a result, the science was able to work out the main feature that allows us to distinguish an obligation from all other types of property relations making up the subject of the civil law regulation – i.e., the character of the inter-subject relation between people in an obligation. In an obligation, these people are only the creditor and the debtor. With the development of the property turnover, a

variety of constructions were introduced such as representation, cession and delegation, imposing the obligation fulfillment on another person, beneficiary, different types of intermediaries; but these constructions have not influenced the character of the inter-subject relations in an obligation. Its elementary basis was earlier and is now formed by the juridical dependence of two individuals – the debtor and the creditor, with the action in-between that connects them. A similar approach is adopted in the common law countries concerning the inadmissibility of interfering in contractual relations [31].

Due to the relativity of the legal relation in obligation, only these two parties can participate in it. However, it is not inconceivable that the contents, the essence and the conditions of exercising their rights and duties in obligation could be made conditional on the actions of other persons called “the third parties”.

The obligation vocabulary covering the third parties looks rather patchy. They are called other person in obligation, additional subject of the obligation, a person linked with a thread of obligation. All these definitions cannot be recognized as legally exact. This is proved by the evolution of views on the obligation and its subjects associated not with the increase of the obligation subjects number but with its complication due to the increased number of persons on the side of the creditor and (or) the debtor.

As noted in literature, the basis for the differentiating between the parties to the obligation and the third parties is their pertaining to the relation taken as the original relation [23]. A third party is the person beyond the limits of two persons and their relations; this is why this party is “the third”. An obligation does not create duties for people who do not participate in it as parties (or as the third parties). This is established by Item 3 of Article 308 of the Civil Code of the Russian Federation which may serve as the basis for the precise coordination of legislative phenomena “obligation” and “third parties”. But it does not. As reasonably noted in literature, “such definition of the third parties for the purposes of the obligation law, does not clarify the distinction between such notions as “the third party”, “the other person”, “the indefinite range of persons” [27, p. 208].

The analysis of monographic literature of the recent decade shows that there is no doctrinal clarity about the notion of “the third party” which is widely used for constructing the concepts associated with both absolute and relative relations. The authors

авторы прибегают к классификации ситуаций, в которых присутствует фигура третьего лица, а также стремятся ограничить институт третьих лиц от смежных институтов. Нельзя не согласиться с тем, что рассматривать то или иное явление вне его места в системе сопоставимых явлений – неэффективное занятие. Однако оно столь же неэффективно, если не опираться на устойчивые теоретико-методологические подходы, которые бы предписывали не только точность терминологического словоупотребления при расширении ординарной схемы обязательства и точное разграничение нескольких форм отношения третьего лица к обязательству, но и давали бы необходимые ориентиры законодателю и практике правоприменения. Пока такие ориентиры практика находит самостоятельно. Как указал Верховный Суд РФ в определении от 16 июня 2016 г. № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/20149, положения ст. 313 ГК РФ направлены в том числе на расширение механизмов получения кредитором причитающегося ему по обязательству исполнения, т. е., по сути, на защиту его прав. Уже поэтому указанной норме не может быть дано такое толкование, в результате которого допускалось бы ущемление интересов самого кредитора против его воли.

Как установлено п. 1 ст. 313 ГК РФ, кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо. Как видно, законодатель не смог отказаться от прежних взглядов, сохранив условие о наличии факта «возложения должником на третье лицо». Что имеет в виду законодатель под возложением при не личном исполнении обязательства должником? Обычно применительно к возложению речь идет об акте договорной природы между должником и третьим лицом. Это подтверждает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении», указывая, что «если исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, то последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними» (п. 21). В наличии такого акта кредитор, принимающий исполнение от третьего лица, обязан удостовериться, а потому, как бы там ни было, закрепление в норме условия о возложении обязывает кредитора задаваться вопросом о том, было ли возложение на самом деле. Не убедившись в этом, кредитор не вправе принять и исполненное, а в случае принятия исполненного без доказательств возложения будет неоснова-

тельно обогатившимся. Последствия и для кредитора и для должника, а также и для третьего лица – исполнителя оказываются весьма сложными. Кредитор не получает желаемого исполнения, сохраняет право требования и имеет право на привлечение должника к гражданско-правовой ответственности. Должник сохраняет бремя своего долга, поскольку продолжает оставаться обязанным и несет риск наступления ответственности, а третье лицо несет расходы по обеспечению сохранности принятого имущества, его транспортировке и т. д.

Известно, что изначально редакция данной нормы мыслилась иной. Законодатель намеревался исходить из идеи о том, что третье лицо является для обязательства кредитора и должника посторонним лицом, не связанным этим обязательством. Факт же исполнения не самим должником, а третьим лицом всего лишь означает, что должник «отдал» исполнение третьему лицу, основываясь на каких-то отдельных от данного обязательства юридических основаниях их отношений между собой. Как указано в Концепции развития гражданского законодательства, правила об исполнении обязательства третьим лицом должны ограничиваться регулированием только взаимоотношений между третьим лицом и кредитором в вопросе принятия или отказа от принятия исполнения. Вопрос же о возложении исполнения обязательства на третье лицо относится к сфере взаимоотношений между третьим лицом и должником и не затрагивает интересов кредитора. А потому положения о возложении должником исполнения обязательства на третье лицо следует исключить из пункта 1 статьи 313. Не случилось. При существующей же редакции неизбежно встает вопрос: какие риски в условиях провозглашенной и реально реализуемой свободы договора, закрепленных презумпций добросовестности и разумности участников гражданского правоотношения, стремится исключить законодатель, включая в качестве обязательного условия условие о возложении? О каких рисках в итоге – должника или кредитора заботится законодатель, и какие девиации он желает исключить?

Немаловажно и другое обстоятельство. Третье лицо, исполняя обязательство за должника, вправе рассчитывать на те правовые возможности, которые есть и у должника. Одна из них – возможность исполнения обязательства через депозит нотариуса или суда при наличии условий, заключенных в правиле ст. 327 ГК РФ. В этом контексте вполне правомерно встает вопрос о том, как быть кредитору, если он принимает исполнение от третьего лица через депозит нотариуса или суда, что впервые предусмотрено

usually opt for the classification of the situations that include a third party, and also try to separate the institution of the third parties from related institutions. One has to agree that viewing a phenomenon with no regard to its place in the system of the related concepts is not efficient. However, it is equally inefficient in case the stable theoretical methodological approaches are ignored, which would not only instruct on the accuracy of the terminological usage when expanding the ordinary scheme of an obligation and precise differentiation between several forms of the third party relation to an obligation, but would also give the necessary reference points for the legislator and the practical application. So far, the practice of application finds these reference points on its own. As the Supreme Court of the Russian Federation noted in its Ruling No. А33-20480/20149 of June, 16, 2016 in the case № А33-20480/20149, the regulations of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation are also aimed at extending the mechanisms of getting the obligation fulfillment by the creditor, i.e. actually at his rights protection. For only this reason, the mentioned norm should not be interpreted in a way that would allow for the infringement of the creditor's interests against his will.

As established by Item 1 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation, the creditor shall be obliged to accept the obligation discharge, offered by the third party instead of by the debtor, if the debtor imposed the duty to fulfill the obligation on the above third party. As we see, the legislator could not abandon his previous views and kept the condition of “imposing on the third party by the debtor”. What does the legislator mean speaking about imposing when the debtor does not fulfill the obligation personally? Usually, imposing is understood as an act of agreement between the debtor and the third party. This is proved by Resolution of the Plenum Supreme Court of the Russian Federation No. 54 “On Some of the Issues of Applying the Civil Code of the Russian Federation General Regulations on Obligation and Their Performance” of November 22, 2016, which runs that “should the fulfillment of the obligation be imposed by the debtor on a third party, the consequences of such fulfillment in relations of the third party and the debtor will be regulated in accordance with agreement in force between them” (Item 21). The creditor who accepts the obligation fulfillment from a third party is to make sure if this agreement does exist, and so the fixation of the condition about the imposition in the norm obliges the creditor to wonder if the imposition has really taken place. Without checking that, the creditor has no right to accept the fulfilled, and in case he accepts the fulfillment of the obligation

having no evidence of the fact of imposing, he will unreasonably enrich himself. The consequences for the creditor and the debtor, as well as for the third party (the performer) turn to be rather complicated. The creditor does not receive the desired, still keeps the right of demand and has the right to bring the debtor to civil liability. The debtor still keeps the burden of his debt, as he continues to be obliged and has the risk of being made liable, and the third party bears costs of keeping the unaccepted property safe, pays for transporting it and so on.

As is known, initially this norm was supposed to be different. The legislator intended to proceed from the idea that the third party is an outsider for the creditor's and the debtor's obligation, and is not bound by this obligation. The fact of the fulfillment of the obligation not by the debtor himself but by the third party only means that the debtor “forwarded” the fulfillment to the third party proceeding from some juridical reasons which are not connected with the obligation and on the relations between them. The Concept of the Civil Legislation Development runs that the rules of the fulfillment of the obligation by a third party should be limited to the regulation of relations between the third party and the creditor in the matter of accepting or refusing to accept the fulfillment of the obligation. The question of imposing the fulfillment of the obligation on the third party belongs to the sphere of relations between the third party and the debtor and does not affect the interests of the creditor. That is why the provisions on imposing the fulfillment on the third party should have been excluded from Item 1 of Article 33. But that has not been done. With the existing wording, the inevitable question will be raised about what risks the legislator intended to avoid introducing the mandatory condition of imposing the fulfillment of the obligation, with the declared and practically implemented freedom of contract and established presumptions of the civil turnover participants' good faith and reasonableness? Whose risks (the debtor's or the creditor's ones) does the legislator care for, and what deviations does he wish to avoid?

One more circumstance is also important. The third party fulfilling the obligation instead of the debtor has the right to reckon on the same legal opportunities as those possessed by the debtor. One of them is the possibility to fulfill the obligation through the notary's or the court's deposit on the conditions set in Article 327 of the Civil Code of the Russian Federation. In this context, quite reasonable is the question: what shall the creditor do if he accepts the fulfillment from the notary deposit or from the court deposit first-ever proposed by Item

п. 4 ст. 313 ГК РФ. В этом случае «проверка» факта возложения становится еще более проблематичной для кредитора.

Законом предусмотрено всего два случая, когда перед возложением приоритет имеет законный интерес самого третьего лица, а потому это лицо вправе исполнить обязательство за должника по собственной инициативе. В п. 2 ст. 313 ГК РФ эти случаи представлены в качестве исключений из общего правила: когда должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства и когда третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество. Смысл этой нормы и однозначность ее предписания подтвердил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 22 ноября 2016 г. № 4 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». Согласно п. 2, кредитор по денежному обязательству не обязан проверять наличие возложения, на основании которого третье лицо исполняет обязательство за должника, и вправе принять исполнение при отсутствии такого возложения.

Несколько иной и, как представляется, более продуманный вариант данного пункта сохранился в Концепции развития гражданского законодательства. Наряду с третьим лицом, подвергающимся опасности утратить свое право на имущество должника, правом удовлетворить требование кредитора без согласия должника наделялось также третье лицо, имеющее законный интерес в исполнении должником денежного обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности. В обоих случаях к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в порядке, установленном ст. 382–387 ГК РФ.

В текущем нормативном варианте, значительно отличающемся от варианта, сформулированного в Концепции развития гражданского законодательства, возникает вопрос: какие должны быть ситуации, при возникновении которых третье лицо по своей инициативе вправе исполнить чужое обязательство? В первом случае допущения просрочки исполнения денежного обязательства все предпологаемо. Это могут быть любые реально существующие основания, законные и действительные. Второй случай выглядит более загадочно. Причина загадочности в том, что на самом деле речь в норме идет о ситуациях, когда имущество, принадлежащее третьему лицу, находится в обладании должника и есть опасность не столько утраты права на

него, сколько существенного снижения стоимости этого имущества. От утраты права на это имущество третье лицо защищает нормы права, на основании которых имущество от него поступило в обладание должника (договор аренды, залог и др.).

Благодаря п. 3 ст. 313 ГК РФ некое расширение получило регулирование отношений с учетом так называемого личного элемента в обязательстве. В данном пункте речь идет не об обязательствах, неразрывно связанных с личностью кредитора (о них упоминается в ст. 383 ГК РФ), а о личном характере исполнения, исключающего всякое усложнение обязательства за счет привлечения к его исполнению третьего лица. Вопрос в достаточной мере актуальный, если учесть факт наполнения рынка многочисленными товарами, работами, услугами, немалая часть которых часто не отвечает запросам предпринимателей-контрагентов и физических лиц-потребителей. Нередко кредитор вступает в обязательство, ориентируясь на то, что благо, которое ему необходимо для удовлетворения собственных потребностей, будет создано определенным лицом. Как следует из текста п. 3 ст. 313 ГК РФ, основаниями для требования личного исполнения обязательства три: закон и иные правовые акты; условия обязательства; существо обязательства. Из абз. 2 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 54 следует, что «если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично, то даже при наличии одного случая, перечисленных в п. 1 и 2 ст. 313 ГК РФ, кредитор не обязан принимать исполнение, предложенное за должника третьим лицом».

Норма п. 3 ст. 313 ГК РФ сформулирована диспозитивно, оставляя на усмотрение кредитора принять или нет исполненное, если оно все-таки оказалось не лично от должника. Однако в связи с тем, что данная норма ограждает кредиторский интерес от усложнения его обязательственных отношений с должником, желательна была бы такая формулировка нормы, которая содержит прямой законодательный запрет для должника на передачу исполнения, переноса все риски такой передачи на самого должника.

Заключение

Позиционируя гражданско-правовое обязательство как одну из разновидностей относительного правоотношения и отделяя его от других видов относительных отношений – корпоративных и реституционных, автор пришел к следующим выводам.

4 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation). In this case, “checking” the fact of imposing becomes even more problematic for the creditor.

The law prescribes for only two cases when the legitimate interest of the third party himself takes a priority over imposing, and so the third party is entitled to fulfill the obligation at his own initiative instead of the debtor. Item 2 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation presents these cases as the exceptions from the general rule: when the debtor delays the fulfillment of the monetary obligation and when the third party runs a risk of losing his right for the property of the debtor in consequence of the property seizure. The sense of this norm and the certainty of its prescribing were confirmed by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its Regulation No. 4 “On Some Issues of Applying General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation On Obligations and Their Performance” of November 22, 2016. In accordance with Item 2 of the Regulation, the creditor in a monetary obligation is not obliged to check the fact of imposing which is the basis for the third party’s fulfillment of the obligation instead of the debtor, and is entitled to accept the fulfilled in case the imposing did not take place.

The Concept of the Civil Legislation Development contained another and seemingly better reasoned version of this Item. In addition to the third party who runs a risk of losing his right to the property of the debtor, the right of satisfying the claim of the creditor without the debtor’s consent was given to the third party who has a legitimate interest in the debtor’s fulfillment of the monetary obligation associated with the entrepreneurial activities of its parties. In both cases, the third party who fulfilled the debtor’s obligation receives the rights of the creditor in obligation in accordance with the procedure set in Articles 382-387 of the Civil Code of the Russian Federation.

The existing normative variant, which significantly differs from the version formulated in the Concept of the Civil Legislation Development, causes the question: what shall the situations be in particular, when the third party is entitled to fulfill somebody’s obligation on his own initiative? In the first case of delaying the fulfillment of the monetary obligation everything is clear. These could be any really existing grounds, legitimate and in force. The second case seems more mysterious. The reason for the mystery is in the fact that the situations are meant when the property owned by the third party is possessed by the debtor, and there are risks of significant reduction in the property cost rather than the risks of losing the owner’s rights for the property. The third party is protected from the loss of the right to this property by legal norms that served as the basis for the transfer of the property from the third party to the debtor (lease agreement, pledge agreement and etc.).

Due to Item 3 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation, the regulation of the relations was somewhat expanded with regard to the so-called personalized element in an obligation. This Item presents not the obligations closely associated with the personality of the creditor (they are presented in Article 383 of the Civil Code of the Russian Federation) but the personal character of the fulfillment of the obligation that excludes any complication of the obligation through involving the third party. This issue is quite relevant if we consider the fact of the market being filled with different goods, works and services, while a good part of them often does not meet the demands of the entrepreneurs - the contractors and physical persons – the consumers. The creditor often enters an obligation being sure that the goods he needs will be created by a definite person. As it appears from Item 3 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation, there are three grounds for demanding personal fulfillment of the obligation: the law and other legal acts, the terms of the obligation, the essence of the obligation. It follows from Paragraph 2 of Item 20 of Regulation of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 that “should the law, other normative acts, terms of obligation or obligation essence imply the debtor’s duty to perform the obligation personally, then in any of the cases listed in Item 1 and 2 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation, the creditor will not be obliged to accept the fulfillment of the obligation proposed by the third party on behalf of the debtor”.

The norm of Item 3 of Article 313 of the Civil Code of the Russian Federation has a dispositive wording and allows the creditor to choose whether to accept the fulfillment of the obligation or not, should it be proposed not personally by the debtor. However, as this norm protects the creditor’s interest from the complication of his obligation relations with the debtor, the wording would be desired that would contain a direct legislative prohibition for the debtor to transfer the fulfillment of the obligation, thus shifting all the risk of such transfer to the debtor himself.

Conclusion

Having presented the civil obligation as one of the kinds of relative legal relations and separated it from other kinds of relative relations, both corporate and restitutionary ones, the author came to the following conclusions.

A massive attention of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet civil law science to the law of obligations and its institutions, nevertheless, has not awakened the researchers’ interest to the problem of development and systematization of the general provisions of the law of obligations. This is one of the reasons why the true study of these provisions as a type of generalizing provisions and not simply rules related “to all obligations” has just begun.

Масштабное внимание дореволюционной, советской и постсоветской цивилистики к подотрасли обязательственного права и его институтам, тем не менее, не пробудило у его исследователей научного внимания к проблеме построения и систематизации общих положений обязательственного права. В этом одна из причин того положения, что настоящее познание этих положений как разновидностей обобщающих положений как таковых, а не просто правил, относящихся «ко всем обязательствам», только начинается.

Наиболее удачным примером их набора, формулировки и попытки взаимосогласованности с другими нормами внутри подотрасли оказался ГК РСФСР 1964 г. Этот шаблон без какого-либо видоизменения введен в ГК РФ 1994 г. Вряд ли такой шаблонный подход можно считать эволюционным. Ответа на этот вопрос в науке нет, так как доктрина практически не задается этим вопросом.

Правила и конструкции, относящиеся к Общим положениям обязательственного права, несмотря на их точность и максимальную универсальность, однако, не имеют приоритета перед специальными нормами об обязательствах. Итоговый вывод об общем или специальном характере нормы основывается на том закономерном следствии, которое возможно вывести не только из характера нормы, но и места расположения норм.

Понимание соотношения норм общих и норм специальных не способно абсолютно уверить от потенциальных субординационных коллизий при применении норм обязательственного права. Поэтому потенциально возможны три вида конкуренции гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения: между общими нормами; конкуренция между общей и специальной нормами; между специальными нормами. Над этими видами возможных противоречий общих и специальных норм цивилистике надлежит задуматься как и над разграничением понятий противоречия норм и коллизия норм.

Терминологические погрешности в той или иной мере сопровождают любую законодательную область. Вопросы терминологического свойства применительно к подотрасли обязательственного права в науке гражданского права практически не поднимаются. Несмотря на то, что проблема терминологии в подотрасли обязательственного права остро не стоит, она, тем не менее, существует. Например, источник притока новых научных понятий. Одним из них является процесс вовлечения иностранной терминологии. Но он должен быть управляемым и,

по возможности, регулируемым. Отсутствие же самостоятельного научного внимания к вопросам производства новых гражданско-правовых понятий и терминов, их отражающих, опасно созданием ситуации дефицита юридических понятий и появления необоснованных синонимов.

Обратившись к проблеме использования термина «обязательство» в бюджетном законодательстве и финансово-правовой науке, автор приходит к выводу о том, что сущностным понятием для гражданского права является не само понятие «обязательство», а «гражданско-правовое обязательство». Без прилагательного «гражданско-правовое» обязательство утрачивает свое сугубо специфическое отраслевое значение, становясь больше общеупотребительным словом, нежели специальным термином. В финансово-правовой науке используется другой термин – «налоговое (финансовое, бюджетное) обязательство». Используя данный термин, представители финансово-правовой науки употребляют его в конкретном узкоспециальном значении.

Такой способ исполнения обязательства, как депозит нотариуса или суда, постепенно утрачивает свое вспомогательное значение. Об этом свидетельствует право сторон установить данный способ исполнения на основании соглашения. Спорным является законодательное решение о праве должника отозвать из депозита нотариуса или суда исполнение, если кредитор не заявил требование о передаче ему исполненного. Как представляется, право должника, который остается правообладателем имущества, переданного в депозит, до момента его истребования кредитором должно быть ограничено перечнем случаев, когда это сделать невозможно. Одним из таких случаев является возбуждение против должника процесса несостоятельности.

Библиографический список

1. *Баринов А. С.* Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 217 с.
2. *Белов В. А.* Гражданское право. Т. IV: Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. Сер.: Бакалавр и магистр. Академ. курс. 1085 с.
3. *Большой энциклопедический словарь «Языкознание»* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 686 с.
4. *Василевская Л. Ю.* Институты иностранного права в гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование – новые проблемы // Судья. 2016. № 10 [Электрон-

The most successful example of their grouping, formulation and attempt to correlate with other norms within the sub-branch was the Civil Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1964. This template was with no changes introduced into the Civil Code of the Russian Federation of 1994. Such a template approach can hardly be recognized as evolutionary. There is no reply to this question in science, as the doctrine does not ask it.

The rules and the constructions that refer to the general provisions of the law of obligations, despite their accuracy and maximum universality, nevertheless have no priority over the special norms on obligations. The final conclusion about the general or special character of the norm is based on the expected sequence which can be derived not only from the character of the norm but also from the place of the norm location.

Understanding the correlation between the general and special norms cannot fully protect from potential subordination collisions when applying the norms of the obligation law. This is why there can be three potential types of competition of the civil law norms that regulate relations in obligation: competition between the general norms, competition between a general norm and a special norm, competition between the special norms. All these possible types of contradictions between the general and the special norms, as well as the differentiating criteria for the contradiction of norms and the collision of norms, should be considered by the civil law science.

Terminological inaccuracies accompany in a sense any legislative sphere. The terminological issues of the obligation law sub-branch are practically not raised in the civil law science. In spite of the fact that the problem of terminology in the obligation law sub-branch is not especially acute, it nevertheless does exist. Let us take for example the source of new scientific concept inflow. One of them is the process of involving foreign terminology. But it should be manageable and adjustable as far as possible. The absence of the separate scientific attention to producing new civil law concepts and terms that reflect them brings the risks of creating the situation of the juridical concepts deficit and appearance of unreasoned synonyms.

Having addressed the problem of using term “obligation” in the budget legislation and financial law science, the author comes to a conclusion that

the essential concept for the civil law is not the “obligation” but “the civil law obligation”. Without definition “civil law”, the obligation loses its purely branch-specific meaning and becomes more a commonly used word than a special term. The financial law science uses another term “tax (financial, budgetary) obligation”. Using this term, the representatives of the financial law science use it in a special sector-specific meaning.

Such a way of the obligation fulfillment as the notary's or court's deposit is gradually losing its supplemental meaning. This is evidenced by the right of the parties to establish this way of fulfillment by an agreement. The legislative decision about the debtor's right to claim for the return of the fulfilled from the notary's or the court's deposit when the creditor has not claimed for the transfer of the fulfilled to him seems to be disputable. It appears that the right of the debtor who continues to be the owner of the deposited property until the moment when it is claimed by the creditor should be limited with a number of cases when exercising this right is not allowed. One of the cases should be the insolvency procedure initiated against the debtor.

References

1. *Barinov A. S.* *Institut nalogovykh obyazatel'stv v nalogovom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Institution of Tax Obligations in the Tax Law of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 217 p. (In Russ.).
2. *Belov V. A.* *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. IV. *Osobennaya chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. Seriya: Bakalavr i magistr. Akademicheskii kurs* [Special Part. Relative Civil Law Forms: Textbook for Bachelor's and Master's Students. Series: Bachelor and Master. Academic Course]. Moscow, 2015. 1085 p. (In Russ.).
3. *Bol'shoy enciklopedicheskiy slovar' "Jazykoznanie"*; gl. red. V. N. Jarceva [Big Encyclopedic Dictionary of Linguistics; ed. by V. N. Jarceva]. Moscow, 1998. 686 p. (In Russ.).
4. *Vasilevskaya L. Ju.* *Instituty inostrannogo prava v grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii: novoe regulirovanie – novye problemy* [Foreign Law Institutions in the Civil Code of the Russian Federation: New Regulation – New Problems]. *Sud'ya – Judge*. 2016. Issue 10. Access from the legal-reference system “Garant”. (In Russ.).

- ный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Ващенко Ю. С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018. № 1. С. 53–64.
 6. Ващенко Ю. С., Якушина Л. Н. Словарь иноязычных терминов гражданского права. Тольятти: ВУиТ, 2005. 81 с.
 7. Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступит. ст. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2015. 384 с.
 8. Голубцов В. Г. Обеспечительный платеж в системе способов обеспечения гражданско-правовых обязательств // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 47–52.
 9. Голубцов В. Г. Система способов прекращения гражданско-правовых обязательств: итоги реформирования / Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 144–159.
 10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 662 с.
 11. Еременко А. С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 3. С. 109–114.
 12. Запольский С. В. Понятие и правовая природа финансовых обязательств // Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: ВНИИСЗ, 1986. С. 29–43.
 13. Иванова Т. Н., Монченко О. В. Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 23 марта 2016 г. «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник арбитражной практики. 2016. № 2(63). С. 3–14.
 14. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Новый гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 3–21.
 15. Комиссарова Е. Г. Проблема оборота исполнения обязательств путем внесения долга в депозит нотариуса // Сборник научных трудов, посвященный XX-летию Российской Конституции. М.: Статут, 2014. С. 67–74.
 16. Комиссарова Е. Г. Настоящее и будущее нотариального депозита // Нотариальный вестник. 2013. № 3. С. 15–24.
 17. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-е изд., 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 106–156. (Классика российской цивилистики).
 18. Михеева Л. Ю. О судьбе исполненного путем внесения долга в депозит: предложения к проекту модернизации ГК РФ // Вестник экономического правосудия. 2015. № 1. С. 12–18.
 19. Мозолин В. П. Развитие гражданского законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 33–45.
 20. Насиров Х. Т. Содержание субсидиарных обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1. С. 149–156.
 21. Рассказова Н. Ю. Исполнение обязательства путем внесения долга в депозит нотариуса // Практика применения общих положений об обязательствах: сб. ст. «Анализ современного права». М.: Статут, 2011. С. 109–132.
 22. Рыженкова Т. В. Специфика процесса транс терминологизации в отраслевой терминосистеме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 22 с.
 23. Сулейменов М. К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 123–128.
 24. Суханов Е. А. Осторожно: гражданско-правовые конструкции! // Законодательство. 2003. № 9. С. 60–65.
 25. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.
 26. Финансовое право: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2011. 792 с.
 27. Чурилов Ю. А. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 206–211.
 28. Шаукенов А. Т. Прологомены к теории налоговых обязательств (на примере казахстанского законодательства) // Правоведение. 2006. № 4. С. 209–222.
 29. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России / науч. ред. Ем В. С. М.: Статут, 2003. 250 с.
 30. Brox H., Walker W.D. Allgemeines Schuldrecht. 31. Aufl. Munchen, 2006. 477 s.
 31. Elliott C., Quinn F. Contract Law. Pearson Education Limited, 2011. 270 p.
 5. Vashhenko Ju. S., Jakushina L. N. Slovar' inozazychnykh terminov grazhdanskogo prava [Dictionary of Foreign-Language Terms of Civil Law]. Togliatti, 2005. 81 p. (In Russ.).
 6. Vashhenko Ju. S. Inozazychnaya juridicheskaya leksika v zakonodatel'nykh tekstakh: istoriya pojavleniya, sovremennye tendencii i puti razvitiya [Foreign-Language Legal Terms in Legislative Texts: the Story of the Emergence, Current Trends and Ways of Development]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2018. Issue 1. Pp. 53–64. (In Russ.).
 7. Vinaver M. M. Iz oblasti civilistiki. Nedavnee (vospominaniya i kharakteristiki); sost. i avt. vstupit. st. A. L. Makovskij [From the Field of Civil Law. Recent Past (Memoirs and Characteristics); ed. by A. L. Makovskij]. Moscow, 2015. 384 p. (In Russ.).
 8. Golubtsov V. G. Obespechitel'nyy platezh v sisteme sposobov obespecheniya grazhdansko-pravovykh objazatel'stv [Security Payment in the System of Ways to Provide Civil Obligations]. Zakonnost' i pravoporjadok v sovremen-nom obshhestve – Legality and Law Order in Modern Society. 2016. Issue 29. Pp. 47–52 (In Russ.).
 9. Golubtsov V. G. Sistema sposobov prekrashheniya grazhdansko-pravovykh objazatel'stv: itogi reformirovaniya [System of Ways to Terminate Civil Obligations: Results of Reforming]. Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: K 60-letiyu B. M. Gongalo [Private Law. Coping with Challenges: to the 60th Birthday of B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Pp. 144–159. (In Russ.).
 10. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynyy kommentariy k razdelu III “Obshchaya chast' obyazatel'nogo prava”; pod red. L. V. Sannikovoy [Civil Code of the Russian Federation. The Itemized Comment to the Section III “General Part of the Law of Obligations”; ed. by L. V. Sannikova]. Moscow, 2016. 662 p.
 11. Eremenko A. S. Konkurenciya norm grazhdanskogo prava v mekhanizme juridicheskoy kvalifikatsii grazhdanskikh otnosheniy [The Competition of Civil Standards in the Mechanism of Theory of Civil Relationships]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i Pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2011. Issue 3. Pp. 109–114. (In Russ.).
 12. Zapol'skij S. V. Ponyatie i pravovaya priroda finansovykh objazatel'stv [Concept and Legal Nature of Financial Obligations]. Problemy sovershenstvovaniya sovetского zakonodatel'stva [Problems of Improvement of Soviet Legislation]. Moscow, 1986. Pp. 29–43. (In Russ.).
 13. Ivanova T. N., Monchenko O. V. Frantsuzskiy astrent na rossiyskiy maner: primeneniye i pravovoe regulirovaniye sudebnoy neustoyki v svete novogo postanovleniya Plenuma Verkhov-nogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 7 ot 23.03.2016 “O nekotorykh voprosakh prisuzhdeniya vzyiskatelju denezhnykh sredstv za neispolneniye sudebnogo akta” [French Astrent the Russian Style: The Use and Regulation of the Judicial Penalty in the Light of the New Resolution of the Plenum of the Supreme Court on 03/23/16 No. 7 “On some Issues of Awarding Funds to the Claimant for Non-Enforcement of the Act”]. Vestnik arbitrazhnoy praktiki – Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki. 2016. Issue 2(63). Pp. 3–14. (In Russ.).
 14. Ioffe O. S., Tolstoj Ju. K. Novyy grazhdanskiy kodeks RSFSR [New Civil Code of the RSFSR]. Pravovedenie – Pravovedenie. 1964. Issue 3. Pp. 3–21. (In Russ.).
 15. Komissarova E. G. Problema oborota ispolneniya objazatel'stv putem vneseniya dolga v depozit notariusa. Sb. nauchnykh trudov, posvyashchenny XX-letiyu Rossiyskoy Konstitutsii [Problem of the Turn of Performance of Obligations by Depositing a Debt into the Notary's Deposit. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 20th Anniversary of the Russian Constitution]. Moscow, 2014. Pp. 67–74. (In Russ.).
 16. Komissarova E. G. Nastojashhee i budushhee notarial'nogo depozita [Present and Future of Notarial Deposit]. Notarial'nyy vestnik – Notary Bulletin. 2013. Issue 3. Pp. 15–24. (In Russ.).
 17. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo v 2-kh ch. [Russian Civil Law in 2 parts]. Part 2. Moscow, 1997. Pp. 106–156. (In Russ.).
 18. Mikheeva L. Ju. O sud'be ispolnennogo putem vneseniya dolga v depozit: predlozheniya k projektu modernizatsii GK RF [On the Obligation Performed by the Consignation of Debt: Proposals for the Project of Modernization of the Civil Code of the Russian Federation]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya – Herald of Economic Justice. 2015. Issue 1. Pp. 12–18. (In Russ.).
 19. Mozolin V. P. Razvitie grazhdanskogo zakonodatel'stva na sovremennom etape [Development of Civil Law Nowadays]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2005. Issue 7. Pp. 33–45. (In Russ.).
 20. Nasirov Kh. T. Soderzhanie subsidiarnykh obyazatel'stv [Substance of Subsidiary Obligations]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 1. Pp. 149–156. (In Russ.).

32. Ferrari F., Bocharova N. The astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings // Russian Law Journal. 2015. № 3. Pp. 9–45.
33. Huber U. Leistungsstörungen Bd. I. Tübingen, 1999. 733 s.
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Mohr Siebeck, 2005. 431 s.

References

1. Barinov A. S. Institut nalogovykh obyazatel'stv v nalogovom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk [Institution of Tax Obligations in the Tax Law of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 217 p. (In Russ.).
2. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo [Civil Law]. Vol. IV. Osobennaya chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy: uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury. Seriya: Bakalavr i magistr. Akademicheskii kurs [Special Part. Relative Civil Law Forms: Textbook for Bachelor's and Master's Students. Series: Bachelor and Master. Academic Course]. Moscow, 2015. 1085 p. (In Russ.).
3. Bol'shoy enciklopedicheskii slovar' "Jazykoznanie"; gl. red. V. N. Jarceva [Big Encyclopedic Dictionary of Linguistics; ed. by V. N. Jarceva]. Moscow, 1998. 686 p. (In Russ.).
4. Vasilevskaya L. Ju. Instituty inostrannogo prava v grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii: novoe regulirovanie – novye problemy [Foreign Law Institutions in the Civil Code of the Russian Federation: New Regulation – New Problems]. Sud'ya – Judge. 2016. Issue 10. Access from the legal-reference system "Garant". (In Russ.).
5. Vashchenko Ju. S., Jakushina L. N. Slovar' inozazychnykh terminov grazhdanskogo prava [Dictionary of Foreign-Language Terms of Civil Law]. Togliatti, 2005. 81 p. (In Russ.).
6. Vashchenko Ju. S. Inozazychnaya juridicheskaya leksika v zakonodatel'nykh tekstakh: istoriya pojavleniya, sovremennye tendencii i puti razvitiya [Foreign-Language Legal Terms in Legislative Texts: the Story of the Emergence, Current Trends and Ways of Development]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2018. Issue 1. Pp. 53–64. (In Russ.).
7. Vinaver M. M. Iz oblasti tsivilistiki. Nedavnee (vospominaniya i kharakteristiki); sost. i avt. vstupil. st. A. L. Makovskij [From the Field of Civil Law. Recent Past (Memoirs and Characteristics); ed. by A. L. Makovskij]. Moscow, 2015. 384 p. (In Russ.).

8. Golubtsov V. G. Obespechitel'nyy platezh v sisteme sposobov obespecheniya grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv [Security Payment in the System of Ways to Provide Civil Obligations]. Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve – Legality and Law Order in Modern Society. 2016. Issue 29. Pp. 47–52 (In Russ.).
9. Golubtsov V. G. Sistema sposobov prekrashcheniya grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv: itogi reformirovaniya [System of Ways to Terminate Civil Obligations: Results of Reforming]. Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: K 60-letiyu B. M. Gongalo [Private Law. Coping with Challenges: to the 60th Birthday of B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Pp. 144–159. (In Russ.).
10. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynnyy kommentariy k razdelu III "Obshchaya chast' obyazatel'nogo prava"; pod red. L. V. Sannikovoy [Civil Code of the Russian Federation. The Itemized Comment to the Section III "General Part of the Law of Obligations"; ed. by L. V. Sannikova]. Moscow, 2016. 662 p.
11. Eremenko A. S. Konkurentsiya norm grazhdanskogo prava v mekhanizme juridicheskoy kvalifikatsii grazhdanskikh otnosheniy [The Competition of Civil Standards in the Mechanism of Theory of Civil Relationships]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i Pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2011. Issue 3. Pp. 109–114. (In Russ.).
12. Zapol'skij S. V. Ponyatie i pravovaya priroda finansovykh obyazatel'stv [Concept and Legal Nature of Financial Obligations]. Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva [Problems of Improvement of Soviet Legislation]. Moscow, 1986. Pp. 29–43. (In Russ.).
13. Ivanova T. N., Monchenko O. V. Frantsuzskiy astrent na rossiyskiy maner: primeneniye i pravovoe regulirovanie sudebnoy neustoyki v svete novogo postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 7 ot 23.03.2016 "O nekotorykh voprosakh prisuzhdeniya vzyaskatelju denezhnykh sredstv za neispolneniye sudebnogo akta" [French Astrent the Russian Style: The Use and Regulation of the Judicial Penalty in the Light of the New Resolution of the Plenum of the Supreme Court on 03/23/16 No. 7 "On some Issues of Awarding Funds to the Claimant for Non-Enforcement of the Act"]. Vestnik arbitrazhnoy praktiki – Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki. 2016. Issue 2(63). Pp. 3–14. (In Russ.).

21. Rasskazova N. Ju. Ispolneniye obyazatel'stva putem vneseniya dolga v depozit notariusa [Performance of the Obligation by Depositing a Debt into the Notary's Deposit]. Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh: Sb. statey. Seriya "Analiz sovremen-nogo prava" [Practice of Applying General Provisions on Obligations: Collection of Articles. Series "Analysis of Modern Law"]. Moscow, 2011. Pp. 109–132. (In Russ.).
22. Ryzhenkova T. V. Spetsifika protsessy transferminologizatsii v otraslevoj terminosisteme: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Specific Features of the Process of Transferminologization in a Branch System of Terminology: Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 22 p. (In Russ.).
23. Sulejmenov M. K. Tret'i litsa v grazhdanskom prave [Third Parties in Civil Law]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1978. Issue 3. Pp. 123–128. (In Russ.).
24. Sukhanov E. A. Ostorozhno: grazhdansko-pravovye konstruksii! [Mind out: Civil Law Constructions!]. Zakonodatel'stvo – Legislation. 2003. Issue 9. Pp. 60–65. (In Russ.).
25. Turanin V. Ju. Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk [Legal Language in the Modern Russian Legislation: Theoretical and Practical Research: Dr. jurid. sci. diss.]. Belgorod, 2017. 437 p. (In Russ.).
26. Finansovoe pravo: Uchebnyk; otv. red. S. V. Zapol'skij [Financial Law: Textbook; ed. by S. V. Zapol'skij]. Moscow, 2011. 792 p. (In Russ.).
27. Churilov Ju. A. Tret'i litsa v objazatel'stvennom prave Rossijskoj federatsii [Third Parties in the Russian Federation Law of Obligations]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2017. Issue 415. Pp. 206–211. (In Russ.).
28. Shaukenov A. T. Prolegomeny k teorii nalogovykh objazatel'stv (na primere kazakhstanskogo zakonodatel'stva) [Prolegomena to the Theory of Tax Liabilities (by the Example of Kazakhstan Legislation)]. Pravovedenie – Pravovedenie. 2006. Issue 4. Pp. 209–222. (In Russ.).
29. Shershenevich G. F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii; nauch. red. V. S. Em [Science of Civil Law In Russia; ed. by V. S. Em]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).
30. Brox H., Walker W. D. Allgemeines Schuldrecht. 31st ed. Munich, 2006. 477 p. (In Germ.).
31. Elliott C., Quinn F. Contract Law. Pearson Education Limited, 2011. 270 p. (In Eng.).

32. Ferrari F., Bocharova N. The Astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings. Russian Law Journal. 2015. Issue 3. Pp. 9–45. (In Eng.).
33. Huber U. Leistungsstörungen. Vol. I. Tübingen, 1999. 773 p. (In Germ.).
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 6th ed. Mohr Siebeck, 2005. 431 p. (In Germ.).

References in Russian

1. Баринов А. С. Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 217 с.
2. Белов В. А. Гражданское право. Т. IV: Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. Сер.: Бакалавр и магистр. Академ. курс. 1085 с.
3. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 686 с.
4. Василевская Л. Ю. Институты иностранного права в гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование – новые проблемы // Судья. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Ващенко Ю. С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018. № 1. С. 53–64.
6. Ващенко Ю. С., Якушина Л. Н. Словарь иноязычных терминов гражданского права. Тольятти: ВУиТ, 2005. 81 с.
7. Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступит. ст. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2015. 384 с.
8. Голубцов В. Г. Обеспечительный платеж в системе способов обеспечения гражданско-правовых обязательств // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 47–52.
9. Голубцов В. Г. Система способов прекращения гражданско-правовых обязательств: итоги реформирования / Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 144–159.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 662 с.

14. Ioffe O. S., Tolstoj Ju. K. *Novyy grazhdanskiy kodeks RSFSR* [New Civil Code of the RSFSR]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 1964. Issue 3. Pp. 3–21. (In Russ.).
15. Komissarova E. G. *Problema oborota ispolneniya obyazatel'stv putem vneseniya dolga v depozit notariusa*. *Sb. nauchnykh trudov, posvyashchennykh XX-letiyu Rossiyskoy Konstitutsii* [Problem of the Turn of Performance of Obligations by Depositing a Debt into the Notary's Deposit. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 20th Anniversary of the Russian Constitution]. Moscow, 2014. Pp. 67–74. (In Russ.).
16. Komissarova E. G. *Nastoyashchee i budushchee notarial'nogo depozita* [Present and Future of Notarial Deposit]. *Notarial'nyy vestnik – Notary Bulletin*. 2013. Issue 3. Pp. 15–24. (In Russ.).
17. Mejer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo v 2-kh ch.* [Russian Civil Law in 2 parts]. Part 2. Moscow, 1997. Pp. 106–156. (In Russ.).
18. Mikheeva L. Ju. *O sud'be ispolnennogo putem vneseniya dolga v depozit: predlozheniya k projektu modernizatsii GK RF* [On the Obligation Performed by the Consignation of Debt: Proposals for the Project of Modernization of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya – Herald of Economic Justice*. 2015. Issue 1. Pp. 12–18. (In Russ.).
19. Mozolin V. P. *Razvitie grazhdanskogo zakonodatel'stva na sovremennom etape* [Development of Civil Law Nowadays]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2005. Issue 7. Pp. 33–45. (In Russ.).
20. Nasirov Kh. T. *Soderzhanie subsidiarnykh obyazatel'stv* [Substance of Subsidiary Obligations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2012. Issue 1. Pp. 149–156. (In Russ.).
21. Rasskazova N. Ju. *Ispolnenie obyazatel'stva putem vneseniya dolga v depozit notariusa* [Performance of the Obligation by Depositing a Debt into the Notary's Deposit]. *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh: Sb. statey. Seriya "Analiz sovremennogo prava"* [Practice of Applying General Provisions on Obligations: Collection of Articles. Series "Analysis of Modern Law"]. Moscow, 2011. Pp. 109–132. (In Russ.).
22. Ryzhenkova T. V. *Spetsifika protsessy transterminologizatsii v otraslevoy terminosisteme: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specific Features of the Process of Terminologization in a Branch System of Terminology: Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 22 p. (In Russ.).
23. Sulejmenov M. K. *Tret'i litsa v grazhdanskom prave* [Third Parties in Civil Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1978. Issue 3. Pp. 123–128. (In Russ.).
24. Sukhanov E. A. *Ostorozhno: grazhdansko-pravovye konstruktsii!* [Mind out: Civil Law Constructions!]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. 2003. Issue 9. Pp. 60–65. (In Russ.).
25. Turanin V. Ju. *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal Language in the Modern Russian Legislation: Theoretical and Practical Research: Dr. jurid. sci. diss.]. Belgorod, 2017. 437 p. (In Russ.).
26. *Finansovoe pravo: Uchebnik; otv. red. S. V. Zapol'skij* [Financial Law: Textbook; ed. by S. V. Zapol'skij]. Moscow, 2011. 792 p. (In Russ.).
27. Churilov Ju. A. *Tret'i litsa v obyazatel'stvennom prave Rossiyskoy Federatsii* [Third Parties in the Russian Federation Law of Obligations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2017. Issue 415. Pp. 206–211. (In Russ.).
28. Shaukenov A. T. *Prolegomeny k teorii nalogykh obyazatel'stv (na primere kazakhstanskogo zakonodatel'stva)* [Prolegomena to the Theory of Tax Liabilities (by the Example of Kazakhstan Legislation)]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 2006. Issue 4. Pp. 209–222. (In Russ.).
29. Shershenevich G. F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii; nauch. red. V. S. Em* [Science of Civil Law In Russia; ed. by V. S. Em]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).
30. Brox H., Walker W. D. *Allgemeines Schuldrecht*. 31st ed. Munich, 2006. 477 p. (In Germ.).
31. Elliott C., Quinn F. *Contract Law*. Pearson Education Limited, 2011. 270 p. (In Eng.).
32. Ferrari F., Bocharova N. *The Astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings*. *Russian Law Journal*. 2015. Issue 3. Pp. 9–45. (In Eng.).
33. Huber U. *Leistungsstörungen*. Vol. I. Tübingen, 1999. 773 p. (In Germ.).
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. *Schuldrecht*. Allgemeiner Teil. 6th ed. Mohr Siebeck, 2005. 431 p. (In Germ.).
11. Еременко А. С. *Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений* // *Вестник Удмуртского университета*. 2011. № 3. С. 109–114.
12. Запольский С. В. *Понятие и правовая природа финансовых обязательств* // *Проблемы совершенствования советского законодательства*. М.: ВНИИСЗ, 1986. С. 29–43.
13. Иванова Т. Н., Монченко О. В. *Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 23 марта 2016 г. «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»* // *Вестник арбитражной практики*. 2016. № 2(63). С. 3–14.
14. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. *Новый гражданский кодекс РСФСР* // *Правоведение*. 1964. № 3. С. 3–21.
15. Комиссарова Е. Г. *Проблема оборота исполнения обязательств путем внесения долга в депозит нотариуса* // *Сборник научных трудов, посвященный XX-летию Российской Конституции*. М.: Статут, 2014. С. 67–74.
16. Комиссарова Е. Г. *Настоящее и будущее нотариального депозита* // *Нотариальный вестник*. 2013. № 3. С. 15–24.
17. Мейер Д. И. *Русское гражданское право: в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-е изд., 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 106–156.* (Классика российской цивилистики).
18. Михеева Л. Ю. *О судьбе исполненного путем внесения долга в депозит: предложения к проекту модернизации ГК РФ* // *Вестник экономического правосудия*. 2015. № 1. С. 12–18.
19. Мозолин В. П. *Развитие гражданского законодательства на современном этапе* // *Журнал российского права*. 2005. № 7. С. 33–45.
20. Насиров Х. Т. *Содержание субсидиарных обязательств* // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2012. Вып. 1. С. 149–156.
21. Рассказова Н. Ю. *Исполнение обязательства путем внесения долга в депозит нотариуса* // *Практика применения общих положений об обязательствах: сб. ст. «Анализ современного права»*. М.: Статут, 2011. С. 109–132.
22. Рызженкова Т. В. *Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград, 2001. 22 с.
23. Сулейменов М. К. *Третьи лица в гражданском праве* // *Советское государство и право*. 1978. № 3. С. 123–128.
24. Суханов Е. А. *Осторожно: гражданско-правовые конструкции!* // *Законодательство*. 2003. № 9. С. 60–65.
25. Туранин В. Ю. *Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук*. Белгород, 2017. 437 с.
26. *Финансовое право: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский*. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2011. 792 с.
27. Чурилов Ю. А. *Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации* // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 415. С. 206–211.
28. Шаукунов А. Т. *Пролегомены к теории налоговых обязательств (на примере казахстанского законодательства)* // *Правоведение*. 2006. № 4. С. 209–222.
29. Шершеневич Г. Ф. *Наука гражданского права в России / науч. ред. Ем В. С. М.: Статут, 2003. 250 с.*
30. Brox H., Walker W.D. *Allgemeines Schuldrecht*. 31. Aufl. Munchen, 2006. 477 s.
31. Elliott C., Quinn F. *Contract Law*. Pearson Education Limited, 2011. 270 p.
32. Ferrari F., Bocharova N. *The astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings* // *Russian Law Journal*. 2015. № 3. Pp. 9–45.
33. Huber U. *Leistungsstörungen* Bd. I. Tübingen, 1999. 773 s.
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. *Schuldrecht*. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Mohr Siebeck, 2005. 431 s.